

Концепция национальной истории.

Олег Слободчиков.

Публицистика. Исторические очерки. Пять очерков. От древнейших времен до крещения Руси.

Врезка.

Всякому пытливому смельчаку, который захочет разобраться в основах русской истории, можно пожелать терпения и огромного упорства. Эти качества необходимы, чтобы среди идеологических мифов, смущенных умолчаний и недоговоров, среди откровенной лжи и цензурных купюр, по мельчайшим частицам собрать подлинную картину царственного прошлого наших предков.

Воссозданный из ископаемых останков облик человека ледникового периода – предка всех индоевропейцев - подскажет, кто из нынешних народов сумел сохранить свой исконный генотип и даст ответ на давние, недоуменные вопросы ученых мужей: «Откуда на территории России взялись русские?»

Голубоглазая Сибирь и древнейшие истоки русского народа.

Эпиграф «Народы не падают съ неба, и не скрываются въ землю; какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» Н.М. Карамзин. «История государства Российского»

Голубоглазая Сибирь

Если о времени рождения народов, появившихся в результате массового межрасового смешения, можно говорить с точностью до нескольких веков, то корни русичей, как и всякого иного, расово однородного народа, уходят к первым векам человечества и обозначить временную границу, где начинается одно и кончается другое состояние нации невозможно.

Углубляясь в свои, русские, истоки, мы неизбежно придем к временам многотысячелетней давности, когда у кромки ледников, то отступавших к северу, то сползавших на Монгольскую пустыню, к Саянским хребтам, на Русскую равнину и Британские острова, формировался внешний и внутренний облик нашего далекого предка - кроманьонца со всеми нынешними признаками белой, северной, расы. Территория его расселения тянулась от Испании до Камчатки.

Древнейший, белый человек каменного века, длившегося сотни тысяч лет, оставил после себя много следов в Европе и в Сибири: на Енисее, на Ангаре, в верховьях Лены, на Алдане, возле Якутска, на территории нынешней Монголии и на Дальнем Востоке. Обнаружены и давно известны всему миру места его

длительного проживания на территории нынешнего Иркутска и неподалеку от него: возле сел Буреть и Мальта.

В мифах, легендах и сказаниях смутные частицы памяти о том периоде хранят многие народы. Для современного исследователя эти воспоминания отчетливей и понятней сохранились в гимнах вед (в ричах) нынешнего народа Индии. Дело в том, что стародавние тексты «Ригведы», «Яджурведы», других вед, прежде чем они были записаны, по меньшей мере, четыре тысячи лет передавались из поколения в поколение брахманами, поскольку были частью религиозного ритуала.

Анализируя эти источники, индийские ученые предполагают, что их предки, по линии белой расы, пришли на территорию Индии из Сибири. Тексты вед сохранили память о холоде и вечном голоде народа на покинутой им родине, о том, как в борьбе за пищу гибли целые общины, и древним людям порой казалось, что от голода суждено погибнуть всему человечеству. Наши общие древнейшие предки сравнивали свою борьбу за существование и продолжение рода с усилиями творца, которому, как предполагали они, приходилось переживать такие же мучения. Уже в ту эпоху наши предки верили в бессмертие души.

По сообщению вед облегчил жизнь древнего человека огонь. По преданию индийцев огонь для людей добыл Ангирас – один из общих предков всех индоевропейцев. Ангирас упоминается во многих частях «Ригведы». (Веда иранцев сохранила память о древнем боге Ангра Майнью, насылавшем на людей потопа). Со времен Ангираса творчество, развитие, богатство и счастье, по понятием наших древнейших предков, исходят от бога Агни – от пламени домашнего очага. Огонь помогал людям, продвигавшимся за стадами крупных животных от Пиренейского полуострова до Камчатки и обратно, выживать в суровых климатических условиях. Агни называется в ведах пожирателем сырого мяса – «кравьяд». С использованием огня, по сообщению вед, наступила новая эра человечества.

Веды сохранили древнейшие названия предметов и понятий, корневые основы которых до сих пор живы в русском языке. Матерью (ма-тру) называлась женщина в обязанности которой входил дележ (ма- «мерить») пищи между членами общины и рождение детей. Отцом (па-па- тру) – назывался мужчина, в обязанность которого входила охота и охрана (па-«охранять»). Дочь – (духи-тру) – доила скот. Духиты – доили коров и овец, шамиты убивали дубиной или душили скот, при помощи заточенной кости снимали шкуру, готовили пищу. Трава для постелей срезалась заточенным ребром, от которого ведет свою историю наш серп.

На широтах нынешней России менялся климат, менялись условия жизни. С исчезновением мамонтов и других крупных животных, на долгое время пищей северного человека стали лоси и олени, память о которых до сих пор сохраняется в русских мифах и сказках.

В конце эпохи каменного века, когда стада животных уменьшились настолько, что добывать пищу охотой стало трудно, в степях Евразии и в Европе наши далекие предки создали скотоводческую цивилизацию.

На смену каменному веку пришла эпоха бронзы. Богатые памятники медно-каменной культуры скотоводов-европеоидов оставили в Сибири современники культуры, называемых учеными «афанасьевской», (по названию деревни Афанасьево, где впервые были обнаружены). На смену им пришла бронзовая культура рыжих и голубоглазых «карасукцев» (по современному названию речки Карасук, где проводились археологические изыскания). Эту древнюю культуру сменили строители гигантских курганов и каменных столбов в присаянской степи, голубоглазые европеоиды – «тагарцы».

Видимо, уже в те времена утвердился культ Солнечного оленя – тотема всех древних обитателей Евразии. Элементы этой культуры, фольклорные сюжеты и мифы изображены на скалах Тибета и Монголии, Саян и Алтая, Киргизии, Скандинавии, Италии. Тогда же появился древнейший в истории человечества знак креста, наполненный мистическим смыслом, связанным с солнцем. Наверное, знак этот воспринимался нашими далекими предками, как огненные рога оленя, освещающие землю днем. До начала 30-х годов XX века в России и в Европе знак этот считался одним из фазисов, через который пришло изображение креста христианского. Древнейшая символика сохранялась в русских орнаментах, в вышивках на национальной одежде крестьян до исторически недавнего времени, пока не была использована в заказной, искусственно смоделированной идеологии национал-социалистской Германии, которая наполнила знак и понятие «ариец» чуждым содержанием.

В бронзовый век на скалах Ангары, Лены и далее на восток вплоть до Великой Китайской стены, появились петроглифы, «процессии лодок» и оленные камни, точно такие же, как в Скандинавии, Швеции и Норвегии - на западе. Неторопливо продвигаясь в течение сотен тысяч лет с запада на восток и с востока на запад, человек белой, северной расы, должно быть, считал своей большой родиной огромную территорию в полтора десятка часовых поясов. Но, по сообщению индийских вед, была у него и таинственная малая прародина, где семь рек текли с севера на юг, уходя своими истоками к звездам. Лучше всего с этими представлениями, с данными антропологии и археологии, согласуется гипотеза о южнорусских степях с их большими реками – Урал, Волга, Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут.

Всего лишь за тысячу лет до нашей эры в Западной Сибири, на Алтае, на территории нынешнего Казахстана, от Енисея до Уральских гор, жили племена светловолосых и голубоглазых людей (так называемой Андроновской культуры) занимавшихся хлебопашеством, литьем из бронзы, гончарным ремеслом. Жили они здесь несколько тысяч лет, оставили после себя богатые курганы, каменные города и дворцы, развалины которых видели наши русские казаки и промышленные, продвигаясь на Восток «встреч солнца», 400-300 лет назад.

К востоку от Каспийского моря, на Сыр-Дарье, исторически до недавнего времени проживали скотоводы и земледельцы белой расы – племена саков. В Средней Азии, на территориях нынешних республик Узбекистан и Таджикистан «европеоиды» создали очень высокоразвитую согдийскую культуру, которая имела прочные связи с культурами Приангарья трехтысячелетней давности.

В целом, древний народ, состоявший из племен, племенных объединений и племенных суперсоюзов, имел когда-то общий индоевропейский, арийский, язык. На санскрите слово «ария» означает – верный. Об этом можно прочесть в доступном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. «Само славянство, - писали они, - есть не более как ветвь ариев, очень долго сохранявших праарийский быт, поэтому древнеславянский быт сходен в своих основах с древнейшим юридическим и политическим бытом греков, римлян, кельтов... У славян только высшие слои общества подвергались значительным изменениям, а массы народные жили по своим стародавним обычаям»

Общий для всех индоевропейцев арийский язык не сохранился, но осталось много литературных памятников на санскрите, ближайшем к нему, но более позднем языке, который очень близок к древнерусскому языку.

С изменением климатических и жизненных условий, народы племен и культур белой расы, уходили на Юг, Юго-Восток и Запад, создавая новые формы жизни и новые цивилизации, обособливаясь от основной массы своих бывших соотечественников. Так предки древних греков появились в южной Европе в III тысячелетии до н.э. Итальянские языки, ставшие основой языка латинского, по предположениям лингвистов, не позднее чем с XII века до нашей эры отделились от предка праславянских языков. Кельты – предки германских народов - обосновавшись на Британских островах, отделившись от общего праязыка не позднее V века до н.э. Предки нынешних иранцев ушли в Переднюю Азию во II тысячелетии до н.э. По сообщению вед предки нынешних индийцев покинули Сибирь за шесть тысяч лет до начала нашей эры.

Русская равнина

В VIII веке до нашей эры от Средиземного до Желтого моря происходили удивительные события, которые трудно объяснить одним только открытием железа. В это время возникли или дооформились олимпийская религия, греческая философия и учение орфиков, пророческие движения в Палестине, основной библейских канон, зороастризм, ведический брахманизм, буддизм, даосизм и конфуцианство. В эти века греческая географическая колонизация подошла к Черному морю и к Карпатам, осознав свою историко-культурную целостность. А все Сибирские цивилизации и Русскую равнину объединили скотоводы-кочевники скифы. В европейской части две эти колонизации сомкнулись, положив основы разделения народов, существующие до сих пор.

Таким образом, к Востоку от Греко-Кельтики и к северу от Персо-Индии в разделяющемся индоевропейском мире обособилась гигантская область – Великая Скифия, отличающаяся от других социально-географических образований монолитностью территории. Уже древние греки, считая европейцами только себя и кельтов, не могли соотнести Великую Скифию с каким-либо континентом, отмечая ее трансконтинентальность.

В Великую Скифию вошли племена и территории от Черного моря до нынешних Черниговской, Курской, Воронежской областей и дальше на северо-восток, как писал древнегреческий ученый Геродот в V веке до н. э. По свидетельству другого древнего ученого, Птолемея, владения скифских и родственных им сарматских народов тянулись на восток до Тибета и Китая. В IV–V веках до н.э. их набеги так вредили предкам китайцев, что те, не имея естественной преграды на своих северных границах, построили великую китайскую стену.

Европейская Скифия была расположена в бассейне сближающихся верховьями рек, нижнее течение которых контролировалось жителями Кельтики (европейцами). Черное и Балтийское моря – соответствовали ее восточным частям и границам Эллинского Средиземноморья.

В центральной части Европейской Скифии, во II в до н.э., а вероятней всего еще раньше, стали обособливаться в праславянский народ наши далекие предки. В этом смысле там находится «прародина» славян, основные языковые предки которых обитали, на той территории и в VIII веке до н.э.

Со времен основания Великой Скифии во всех областях Евразии начали происходить быстрые изменения в социально-экономической, духовной и политической жизни. Особенно резкими были эти изменения в южной части: в степных и лесостепных зонах от Дуная до Енисея. Здесь появилась боевая степная кавалерия, а в лесостепной Европейской Скифии возникли огромные по тем временам городища и курганы. Здесь же появился удивительный по выразительности скифо-сибирский звериный стиль, лучшие произведения которого изготавливались из золота. В VII веке до н.э. в западной части Скифии появился тип короткого меча-акинака, ставшего символом божества войны, смерти и мужской оплодотворяющей силы. Влияние этого символа прослеживается в культовых обрядах древних русичей и славян даже в начале второго тысячелетия нашей эры.

Вероятней всего к скифским временам можно отнести истоки богатейшей древнерусской мифологии с культом светлых, небесных, злых подземных богов и Солнечного оленя, рога которого освещают землю днем, приносят счастье и благополучие. В народных сказках мы помним эти мифы до сих пор.

На территории нынешней России, Белоруссии и Украины скифы основали государство, удивительно похожее на традиционную Русь. В центре ее жили мирные земледельческие племена скотов. Они были окружены воинственными, родственными по крови племенами кочевников. Земледельцы

снабжали кочевников хлебом в обмен на продукты животноводства, а те защищали их от нападений пограничных народов, как позже это делали казаки.

В IV веке до нашей эры под властью скифского царя Атея укрепилась Великая Скифия со столицей в Крыму. Византийцы же называли тавроскифами дружины Вещего Олега, князя Святослава и других князей вплоть до конца X века нашей эры.

По преданиям древних греков в Скифии жили кентавры – люди-лошади. Видимо, так древние греки воспринимали воинов-всадников.

Узнаваемы этнические черты наших предков в гомеровской Илиаде, в образе Ахилла, воспитанного и обученного воинскому искусству кентавром. Узнаваемы традиции и быт его окружения. В скупых строках, повествующих о северной родине героя, чувствуется дыхание родных нам географических широт. Отношения Ахилла с другом Патроклом уже в древности озадачивали рациональных греков и римлян. Видимо, дружба, как жертвенное воинское братство - явление обычное для русского народа - присуще не всем представителям белой расы.

Для древних греков происхождение Ахилла никогда не было загадкой. Вот что писал в X веке нашей эры византийский историк Лев Дьякон, имея в виду воинов князя Святослава, и ссылаясь на другие, известные в те времена источники. «Сказывают, что они, следуя языческим обрядам древних греков, совершают жертвы и возлияния в честь усопших, будучи научены тому или Анархасисом и Ксамольксидом, их Философами, или товарищами Ахилла: ибо Арриан говорит в своем Перипле, что Ахилл был Скиф из городка Мирмикиона, находящегося при озере Меотисе; что изгнанный скифами за необузданность, жестокость и гордость, поселился в Фессалии: чему ясным доказательством служит покроя одежды с застежкой, сражение пешее, волосы русые, глаза голубые, дерзость, ярость, лютость, в коих Агамемнон упрекает его сими словами: ты любишь всегда распрю, ссоры и драки... Народ скифский славится дерзостью, мужеством, силой...»

Но в III веке до н.э. скифская культура была разрушена, родственными племенами сарматов. Так началась, не прекращающаяся с тех пор, война среди народов внутри Великой Скифии, наследником и потомственным приемником которой были Российская империя-СССР.

Одновременно с сарматами, пришедшими с востока, с запада в Причерноморские степи стали продвигаться кельтские племенные объединения готов, вандалов, бастарнов и множество других племен. Из племенных союзов, противостоявших кочевниками-сарматам и предкам германцев на территории нынешней европейской России, Белоруссии и Прибалтики сформировался народ, который древнегреческие и современные ученые связывают непосредственно с предками русского народа. Это были венеды – светловолосые и голубоглазые гиганты, которые воевали в пешем строю, потому что их не могли носить на себе кони. Этот этноним до сих пор

сохраняется у прибалтийских народов: например, эстонцы и сейчас называют русских венетами.

Но среди лесостепных племен Восточной Европы были народы, отколовшиеся от венетов и примкнувшие к сарматам – это праславяне анты и скловены. Об их кровавых рейдах на земли Греко-римской империи осталось много письменных свидетельств, а в южных степях России и Украины до сих пор находят клады античных украшений из драгоценных металлов, скрытые когда-то антами и скловенами.

Сарматы воевали против готов и вандалов, ходили походами в Европу. Их племенные союзы – аорсов и роксолан - долго воевали в Европе и в Передней Азии, растворяясь среди других народов. Венеды частично втягивались то в один, то в другой союз, но большей частью отступали из степной зоны на север, в лесостепи и леса, где закладывалась основа будущей славянской земледельческой цивилизации.

В то время, когда на западе Великой Скифии, складывались основы нашей нынешней культуры, на востоке появился новый народ – гунны.

Первые письменные упоминания о русах (росоманах – на готских языках) встречаются в европейских источниках в связи с объединительными войнами, с помощью которых готы – предки германцев, под началом своего вождя Германорика, пытались создать суперплеменной союз в Причерноморье, чтобы противостоять наступающим с востока гуннам.

В 375 году гунны разбили этот союз, и готы ушли в центральную Европу под защиту Римской империи, смиряясь с традиционным беспределом римских чиновников.

Во времена владычества гуннов, названное Великим переселением народов, происходила консолидация славянских племен, которые, окрепнув в лесах, снова двинулись на запад и юго-запад, создавая единую культуру, основанную на пашенном земледелии, неизвестного прежде вида - сочетавшего кельтские, римские, германские формы.

Это массовое «славянское» движение захлестнуло пространство от Черного моря и Адриатики до Западной Балтики, от Эльбы до озера Ильмень. Многие праславянские племена, в том числе часть антов и скловенов: сербы, словене, хорваты, да и сами гунны переселялись на Балканы и в Центральную Европу, на более благополучные климатически и плодородные земли. Они то воевали с Империей, то служили ей. Но, так или иначе, попав в афроевразийский котел народов, смешивались с другими племенами, теряли прежние традиции, национальное сознание, сформированное тысячелетиями предыдущей истории, становясь просто европейцами.

На Русской равнине, как пишут археологи, положение было совсем иным, здесь славяне соседствовали либо с этнически близкими народами, либо с родственными племенами испытывавшими воздействие протославян...

Антропологи отмечают редкостную расовую однородность населения этой территории.

Предания западных славян сохранили память о трех братьях Ляхе, Чехе и Русе. Самые ранние из устных преданий нашего народа хранят память о мифических князьях Словене и Русе, современниках Александра Македонского и об их войске, вернувшемся в Новгород после многолетней войны. Оторванные от мирной жизни, не способные вписаться в нее, ветераны войска оголодали и стали промышлять грабежами среди новгородцев. В мирном городе начались мятежи, и славным воинам Словена и Руса пришлось покинуть родину. Прихватив жен и детей, они ушли в непроходимые дебри, распахали целину, настроили крепостей и осели на земле мирными землепашцами.

По известному преданию из «Повести временных лет», ученик Иисуса Христа Андрей Первозванный, которому выпал жребий проповедовать христианство на языческом Севере, посетил холмы, где предопределено было появиться столице Древней Руси – Киеву, побывал в одном из старейших городов России – в Новгороде. Святой покровитель Руси был немало удивлен традицией новгородцев, до сих пор хранимой в нашем народе, париться в банях.

С середины первого тысячелетия нынешней эры история наших предков оставила заметный след в трудах римских и арабских историков. С VI века о родственных племенах восточных славян и русов, говоривших на одном языке, постоянно упоминают византийские летописи. Взаимоотношения между славяно-русами и Империей на много веков вперед предопределили историю нашего народа. Восточный, безнациональный Рим наемной военной силой, а чаще политическими интригами и хитростью, натравливая соседствующие племена друг на друга, втягивал восточных славян и русов в свою Империю, где высшие должности занимали и славяне, и греки, и армяне – разбогатевшие изгои своих племен. Византия давала шанс стать императором представителю любого народа – изгою, способному предать интересы единокровников ради кучки олигархов.

Как некогда тавроскифы, свободолюбивые русы, которые в те времена сами себя называли русинами, в союзе с восточными славянскими племенами отчаянно противостояли расширению Империи на восток. В ответ на политические козни византийцев они то и дело нападали на их территории, сжигали города и накладывали дань, увозя на свои, недоступные для иностранцев территории, изделия из золота и серебра, угоня население.

Бытового рабства у русинов и славян в те времена еще не было. Женщин они забирали в наложницы, которых каждому вождю полагалось иметь во множестве. Мужчин частью приносили в жертву своим богам, частью удерживали за выкуп. Если Империя не выкупала граждан, через некоторое время русины отпускали их на волю. Золотые и серебряные изделия, в те времена не представляли для наших предков меновой стоимости и, большей

частью, закапывались в землю не для хранения, но в жертву. Мать-земля, глубоко почиталась и одаривалась жертвоприношениями, не всегда бескровными, а также различнымикладами.

По древнейшим письменным источникам славяне искони распадалась на множество племен, из которых каждое жило своей самостоятельной жизнью... Тем не менее на соседей они производили впечатление народа единого по внешности, языку, нравам – выносливости, свободолюбию.

Замкнутая жизнь наших предков и, вследствие этого, сохранение древнейших общеарийских традиций объясняется тем, что русины и восточные славяне по своим поверьям больше всего боялись проникновения иноплеменной духовной сущности в собственную, не только через общение, но даже через предметы и одежду. Еще они боялись быть убитыми или посеченными собственным оружием, а также страшились принять смерть от рук врага, не имея возможности оказать ему сопротивление: например из-за тяжелого ранения. По поверьям наших предков, в таком случае они становились рабами убившего их воина в потустороннем мире. Все остальные тяготы земной жизни мало пугали наших предков.

В глубокой древности страх духовного смешения с чужестранцем был присущ многим арийским народам: в латинском, германских и в славянских языках первоначально слово «гость» - **hostis** - обозначало «враг-иноземец».

Страх русинов быть убитыми собственным оружием часто использовался при замирении после войн как гарантия мира: бывшие враги менялись оружием и доспехами. А наивные клятвы наших предков были, как правило, более надежной гарантией их выполнения, чем целование Честного Креста и христианские обеты ромеев.

Традиции, обряды, поверья

В отличие от западных, европейских славян, жизнь на северо-востоке Европы, то есть на территории нынешней России, Украины и Белоруссии намного дольше текла по законам освященной временем традиции, старины и древнейших обычаев. Наши предки очень болезненно переносили стрижку волос и бород. Всякое прикосновение к своей голове, которую наделяли свойствами особой святости, воспринималось как оскорбление. Они считали, что в волосах живет душа человека, а в бороде и усах, долгое время охраняемых древними законами, сосредоточены сила и мистические способности, связывающие человека с потусторонними силами. Насильственное острижение бороды и волос было одним из страшнейших наказаний вплоть до исторически недавнего времени.

Наши предки одушевляли окружающий мир: деревья, горы, ручьи и реки. По их понятиям Земля-жена и Небо-муж, вступая в брачные связи через дожди и снега, порождали все живое. Простые смертные люди в супружестве ощущали себя частью этого космоса, с глубоким почтением относясь к

собственной плодovitости и к плодovitости хозяйственных животных, участвуя в одушевленной жизни природы.

Среди восточнославянских племен русины - выделялись склонностью к войнам. Византийцы испытывали к ним особую неприязнь и связывали их с апокалиптическими народами «Гога и Магога», которых освобожденный сатана должен собрать на брань при конце света. По поверьям византийцев возглавит эти народы князь Роша. Между тем всякий русин-изгой, всякий отколовшийся от племени русский род были с радостью принимаемы Византией в качестве наемных воинов.

Вера наших предков уже в те времена была близка к христианскому мировоззрению, несмотря на человеческие жертвоприношения. Они считали, что их душу создал Бог, а тело – дьявол и после смерти человека каждый из них забирает свое. В первом тысячелетии нашей эры русины частенько пытались обмануть дьявола, сжигая своих покойников. Этот обряд подробно описан арабскими путешественниками.

По поверью наших предков, души умерших обитали в далекой стране на краю света, там, где заходит солнце – в пекле, или в Ирии, где храбрые и праведные живут вечно. Собирали покойника в ту страну, как в далекий путь. Знатному русину для сжигания и погребения строился корабль, в каком он проводил большую часть своей жизни. Если умерший был менее авторитетен, ему строили небольшую лодку – прототип нынешнего гроба. Через пламя погребального костра этот «корабль» отправлялся в путь. Огонь вмиг отделял душу от тела и облегчал путешествие. Обычно, с мужем добровольно отправлялась в иной мир жена или наложница, считавшая, что покойный любил ее больше других.

На русском капище были изваяния богов с человеческими лицами. Если русин обращался к главному божку с просьбой, и она не была выполнена, он обращался к божеству рангом ниже, чтобы то замолвило слово перед главным – и так до тех пор, пока просьба не исполнялась.

В брак русины и восточные славяне вступали девственными. Эта традиция была очень древней и соблюдалась даже с некоторой жестокостью: при том, что рабства единоплеменников в те времена еще не было, жених имел право продать обманувшую его ожидание невесту. Таким образом, наши предки задолго до нынешних научных открытий, знали, что генетический код первого в жизни женщины мужчины предопределяет все ее будущее потомство. Дело сохранения чистоты крови касалось не только молодоженов, но и всего рода. Всякое оскорбление члена рода воспринималось как оскорбление всего рода или племени; сам факт выдачи неполноценной невесты был унижением достоинства племени, которое искупалось либо кровью, либо откупными подарками.

Судя по древнейшему индийскому эпосу, страх кровосмешения с чужаками был присущ самому древнему периоду из истории ариев, когда они еще терпимо относились к кровосмешению родственному.

Семья русина - род, «дым», без которых он себя не мыслил, с многочисленными родственниками, с общей собственностью, была его опорой и защитой. Искони у нашего народа бытовала кровная месть, которая была обязанностью всего рода. Права и обязанности кровной мести были зафиксированы в древнейших русских законах, подтверждены и освящены ранним христианством. Человек без семьи, без рода: изгой одиночка, за какие-то провинности изгнанный и по нынешним понятиям свободный – был никем. Даже у рабов все-таки существовали некоторые права и гарантии, по крайней мере, на жизнь. Одиночка не имел никаких прав: он мог выжить только под покровительством сильного, а это было рабство по понятиям того времени, даже если это рабство облакалось в дорогие одежды, давало возможность иметь семью, собственность и влияние на вольных «мужей».

Князья, старейшины рода были не только руководителями в нынешнем понимании – они наделялись мистическими способностями, возможностью иметь прямую связь с богами, пользоваться их покровительством и должны были уметь повелевать природными силами. Их главной обязанностью было обеспечить благополучие рода или племени. Если им этого не удавалось, даже по независящим от них причинам неудачных войн, неурожаев, природных катаклизмов, они приносились в жертву для непосредственной беседы с богами и для заступничества за свой народ.

Князья, которые при жизни обеспечивали благополучие общины и вовремя умирали, наделялись способностью и после своей физической смерти помогать своему народу. Их мощи, физические останки, исцеляли от болезней, повышали урожайность и плодovitость. Тело такого князя могли поделить на части. За право владеть останками такого покойника бывали стычки между родами.

Власть у русинов и восточных славян с древнейших времен была опасным и очень рискованным делом. Она не давала личного благополучия и исключительных прав, но была принесением себя в жертву ради подданного народа. Властелин не имел личной собственности. Все, что он скапливал за жизнь, считалось резервным фондом племени, а поэтому после его смерти княжеское имущество раздавалось народу. Если, по каким-либо причинам, родственники этого не делали, народ, после обряда похорон, грабил княжеские хоромы, перераспределяя собственность.

Князь, до VII и даже до начала IX веков нашей эры не был еще правителем, а был только воеводой. Он имел дружину с доверенными лицами из думающих воинов – бояр и родственников. Но в большинстве своем дружина состояла из плененных врагов, которые служили на совесть, потому что в случае гибели князя приносились в жертву на его погребальном костре. Дружина была личной охраной князя, но не войском. Она не могла вести войн без поддержки племени.

Войско же состояло из простых, «хоробрствующих» воинов и, как уже говорилось, воинов «думающих», то есть бояр.

Западные и балканские славяне, то служба Империи, то воюя с ней, считались ее подданными, хотя, зачастую, подданными непокорными. Войны с ними уже в V-VII веках выбрасывали на византийские, средиземноморские, среднеазиатские и месопотамские невольничьи рынки большое количество военнопленных. Специалистами по этой торговле на Востоке были арабы и евреи, на Западе – византийские греки.

Судя по историческим летописям, византийцы и арабы никогда не путали европейских славян (скловен) с восточными славянами и русами, называя последних тавроскифами, русами, норманами. В конце VIII века на русские и восточнославянские племена нападали войска Византии и варварских королевств, возникших на территориях распавшегося Западного, латинского, Рима. То есть нашим предкам пришлось противостоять военной мощи двух Империй. Примерно в эти же времена рынки Европы и Африки были настолько переполнены пленными «скловенами», что в Европе и на Ближнем Востоке, слово «скловен» стало нарицательным именем рабов.

Восточные славяне и русы, видимо, тоже иногда попадали в плен и пользовались особым спросом: их охотно приобретали европейцы, арабы и турки, используя как воинов. В этом качестве вплоть до XVIII века янычары, воспитанные в мусульманской вере из русских детей отличались особой силой, безумной смелостью и... жестокостью.

Удар «двух Империй» был сокрушительным для восточного славянства. Часть русских племен из Закарпатья и Причерноморья снова, как в прежние беспокойные века, отступила к северу, в леса, к Ладоге и Финскому заливу. Но, русско-славянские племена не были побеждены, не были обложены данью по обычаям того времени, не были включены в состав Византии, на обычных для других народов и, казавшихся очень унижительными для наших предков, условиях. Жизнь продолжалась.

Русский дух

Русины, селившиеся колониями севернее новгородцев и по берегу Балтийского (Варяжского) моря, по соседству с чудью и скандинавами, почти не занимались земледелием, поэтому война стала для них естественным и необходимым состоянием быта. Они воевали со скандинавами, эстами, финноуграми, булгарами и степняками, поставляя рабов, меха и воск, по проторенному пути «Из варяг в греки», на рынки Империи, поскольку среди русских и славянских народов спроса на рабов еще не было. Ключевыми городами на этом пути были русская Старая Ладога, славянский Новгород, Смоленск – племенной центр кривичей и Киев, населенный русинами-полянами. Русин-«купчина», всегда был еще и воином. До поздних времен русские купцы носили оружие.

Во времена очередного ослабления русско-славянского мира, соседние авары попытались взять дань с одного из восточнославянских племен и получили ясный ответ от князя Даврита, говорящий о самосознании наших предков тех лет: «Родился ли на свет и согревается ли лучом солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашей землей, а мы чужой привыкли обладать. И в этом уверены пока будут на свете война и мечи!»

Но в том же VIII-м веке в Приазовье и Придонье из различных тюркских и ассимилированных тюрками племен начал складываться мощный централизованный Хазарский каганат. Византия с помощью политических интриг и подкупов стала использовать его для очередной попытки порабощения славяно-русов. И на какое-то время это ей удалось. Три восточнославянских племени: древляне, вятичи, северяне, а так же русское племя полян, - стали данниками Хазарии. «Не по своей воле, а по божьему промыслу», - печально указывал летописец. Но в целом русско-славянский мир отчетливо представлял, что его главный враг – Империя.

В VIII веке разрозненные русско-славянские племена не смогли противостоять Хазарскому каганату. Появилась необходимость в суперплеменном союзе, под властью одного, родственного по крови, племени. Но нашими гордыми предками и такая зависимость воспринималась как унижение племенного достоинства.

Попытка воинственных северных русинов, которых новгородцы презрительно называли варягами, объединить родственные племена под своей властью, закончилась их изгнанием. Но вскоре общая беда заставила смирить гордыню и начать объединение.

На мой взгляд, именно здесь должна быть поставлена точка в истории Древнейшей Руси, поскольку именно во времена зависимости некоторых племен от хазар началась не менее славная история Древней Руси.

Чтобы не заканчивать очерк на печальной ноте, забежим вперед и скажем, что были четыре племени наших предков в унижительном положении исторически очень недолго. Уже в конце IX века данники были освобождены. А в середине X века славяно-русы в союзе с чудскими народами полностью разбили и уничтожило каганат, сделав данниками и рабами самих хазар. Но память об инородном владычестве хранится до сих пор. Таков дух нашего народа.

Все народы мира в тот или иной период своей истории переживали завоевание, смирение, слияние с захватчиками или освобождение от них с помощью третьей силы (чаще всего русской) И только наш народ из всех своих бед выбирался сам: наперекор всему и всем на удивление, с одной лишь помощью Божьей. При этом он очень болезненно переживал и переживает всякое исторически незначительное для других народов унижение своего национального достоинства. Таковыми нас создал Господь.

Литература.

П.И. Борисовский. “Древнейшее прошлое человечества “Наука” Москва 1980

А. Окладников “Открытие Сибири” изд. “Молодая гвардия”, 1979 г.

Ш.А. Данге “Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого

строения” Главная редакция восточной литературы Москва 1975

П.М. Долуханов “География каменного века”, изд. “Наука” Москва 1979

А.П. Окладников, Р.С. Василевский “Северная азия на заре Истории”. Изд. “Наука” Сибирское отделение Новосибирск 1980

*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, статья “кресты”.

** “Бухтарминские старообрядцы” Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып 17. Издание Академии наук СССР, Ленинград 1930, статья “Одежда бухтарминских старообрядцев” стр 313.

“Славяне. Этногенез и этническая история”. Ленинград Изд.ЛГУ 1989 г.

Рыбаков???(найти и вставить)

Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-Xвв) С-П Изд. Санкт-Петербург ун. 1998 г..

Фроянов И.Я. Древняя Русь Молсква-Санкт-Петербург. Изд. Златоуст 1995 г.

Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. Изд Наука. Сибирское отд. Новосибирск 1981 г.

«История Сибири», изд «Наука» Ленинград 1968 т. 1.»Древняя Сибирь»

2. Древняя Русь Рюрика и Олега.

Кто такие варяги, названные летописцем русами, от которых «пошло название Русская земля»? В «Повести временных лет» есть разночтение, которое вызывает много споров до нынешних времен. «В странах же Иафета сидят русь, чудь и всякие народы... Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: оттуда к востоку – до пределов Сима... Иафетово потомство: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англ, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, гунуэзцы и прочие – они примыкают на западе к южным странам и соседятся с племенем Хамовым».

В описании географических познаний своего времени летописец допускает много неточностей, путая народы стран и провинций, предания и мифы, смутно ориентируясь во временах. Внятность и последовательность в повествовании обретается с 859 года, с попытки варягов объединить чудь, мери, славян и кривичей. Эти и дальнейшие события подтверждается иностранными источниками. О варягах, которые были призваны на земли славянских и чудских племен, летописец сообщает: «Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англ, а еще иные готландцы, - вот так и эти назывались»

Казалось бы, куда уж конкретней указано на то, что варяги – не национальность, но вид деятельности и образ жизни. Варяжская

племенная принадлежность – русь. Почти так же, через несколько веков, летописцы скажут о берладниках, еще позже о казаках. В XVIII веке высшие российский чиновники германского происхождения, пытаясь увековечить свое право на власть, создали миф о скандинавском происхождении варягов, против чего протестовал еще великий русский ученый Ломоносов. Но, поскольку Россия и сегодня ориентируется на Запад, миф этот продолжает существовать в сознании масс, поддерживается средствами массовой информации.

Для русских царей Романовых, роднившихся с королевскими семьями современной им Пруссии, была создана теория о прусском происхождении Рюрика. Впервые о пруссах упоминается в письменных источниках лишь в IX веке. Судя по немногим литературным памятникам, это были славянские и литовские племена, в конце X века завоеванные Русью, в XIII веке захваченные и, большей частью, уничтоженные Тевтонским орденом. Оставшиеся в живых пруссы были полностью ассимилированы германцами и ко времени воцарения дома Романовых ничего общего со славянским миром не имели.

Некоторым историкам не дает покоя единственный аргумент в пользу прозападной точки зрения на варягов – неславянские имена большинства бояр, служивших князю Олегу и записанные в договоре с Византией: Карл, Фарлаф, Вермуд, Рулав, Стемид. Но россияне и сегодня носят имена древнееврейского, латинского, древнегреческого происхождения и это никого не удивляет, поскольку мы знаем причину. Причины использования имен европейского происхождения в окружении великих князей мы не знаем. Но, признав варягов скандинавами, мы вынуждены будем признать, что говорили они на славянском языке, поклонялись древнерусским богам, соблюдали древнерусские традиции, торговали пленниками скандинавского происхождения, а в XIII веке исчезли бесследно. К тому же, судя по скандинавским сагам, их авторы, зная, что на Руси находится много скандинавских рабов-ремесленников и поработенной скандинавской знати, не знали, что их единокровники созали величайшее по территории государство и правят им, они представления не имели о том, что в этом государстве их называют русью, называя Древнюю Русь – Gardar или Gardarriki, не разбираясь в племенных разновидностях ее населения. В противном случае нужно признать ложными тексты исландских саг, договоров с Византией, письменные свидетельства арабских путешественников и даже содержание наших русских летописей.

Противоречия эти нельзя не замечать, и некоторые из современных российских исследователей, рассуждая о том, что в результате естественного пограничного контакта в районе Старой Ладogi появился новый этнос – русь, в своих умозаключениях доходят до того, что русь – это были скандинавы, говорящие на славянском языке, поклоняющиеся славянским богам и забывшие о том, что они скандинавы.

Объединение Руси

К началу IX века в традиционно патриархальной жизни восточных славян произошли значительные изменения. Родственные по крови племена все больше отчуждались одно от другого, воевали друг с другом и даже стали захватывать пленников, что прежде не было принято. По отношению к инородцам в это время сложился обычай бессрочного рабства военнопленных, ориентированный не на выкуп, как прежде, а на внешний рынок, поскольку внутренняя работорговля еще не имела распространения, а нескончаемые войны давали новых и новых невольников.

Прежняя, тысячелетия просуществовавшая традиционная власть и иерархия в виде совета родовых и племенных старейшин с князьями-воеводами, перестала удовлетворять народы племен и племенных союзов, раздираемых противоречиями и личными интересами входящих в них родов.

В это время русины, жившие колониями по берегам Ладogi и Балтийского моря занимались разбоями и захватом невольников. Спасаясь от их ладей, древний предок города Стокгольма запирает свои гавани на железные цепи. Исландские саги тех времен сообщают о большом количестве рабов-ремесленников и знати скандинавского происхождения, находившихся в плену у славян. Не имея возможности заниматься сельским хозяйством на своих территориях, русины жили военными набегами, звероловством и бортничеством, поставляя на рынки Европы невольников, меха и воск, имевший большой спрос у христиан. Так в IX веке в варяго-русском и восточно-славянском мире работорговля превратилась в заурядное и очень прибыльное дело, вытеснив выкупную систему. Поскольку образ жизни северорусов значительно отличался от жизни родственных земледельческих племен живших на юге и по Днепру, у них сложилась иная, централизованная система власти, более эффективная во времена войн и бедствий, чем патриархальный совет старейшин.

Положение новгородцев в середине IX века было особенно трудным. С севера их земли граничили с беспокойными русинами, которые не могли жить без войн. С северо-востока и северо-запада к

новгородцам примыкали территории немирных племен: чуди, мери, веси. С юга и с запада славянские племена полочан и кривичей были их вечными заклятыми врагами. Новгородцы воевали по всей протяженности своих границ, кроме того, были раздираемы внутренними противоречиями и усобицами.

В середине IX века у них сменилась традиционная патриархальная власть: вместо совета старейшин союз новгородских племен впервые возглавил посадник – избранный на княжество старейшина Гостомысл. Но и это нововведение не принесло ожидаемого порядка и спокойствия. По общему соборному решению враждовавших между собой кривичей, чудских племен, веси и самих новгородцев-славян, по инициативе их посадника Гостомысла, народы эти решили пригласить на княжение, сторонних русинов, имевших родственные связи с домом Гостомысла.

В 862 году к ним было отправлено посольство с приглашением «владеть и судить по праву», то есть по традиции и по законам местных народов. И пришли три брата: Рюрик - зять Гостомысла, Синеус и Трувор, а так же племянник Рюрика – Олег (по-славянски Вольга), с домами своими, с боярами, мужами, дружинами «и всей русью». В Ипатьевской летописи под тем же годом сказано: «И придоша к Словенам первее и срубиша город Ладогу, и седе старейшии в Ладозе Рюрик». По «Повести временных лет» Рюрик сел княжить в Новгороде, отправив одного из братьев в Изборск, к кривичам, другого в Белоозеро, на земли племен веси. По обоюдному договору новгородцы обязались выплачивать приглашенным князьям 300 гривен серебра в год на содержание дружин и княжеские расходы «мир деля». По понятиям того времени это была не дань, выражающая зависимость слабого от сильного, но взаимные обязательства сторон.

Через два года после вокняжения Синеус с Трувором умерли и Рюрик остался единовластным правителем, присоединив их волости к своей. Он княжил после кончины братьев пятнадцать лет. За эти годы ему стали подвластны полочане и народы меря с племенным центром в Ростове.

«Повесть временных лет», другие своды и летописи, сообщают нам о том, что были у Рюрика два мужа (то есть свободных человека), «не родственники его, но бояре и отпросились они в Царьград со своим родом». В те времена многие русины служили наемными воинами в Византии, чаще всего в имперском флоте. Имена этих мужей были Аскольд и Дир. Они отправились в путь по Днепру, но до столицы Империи так и не добрались, высадившись в Киеве-городе, который населяли русы-поляне, платившие дань хазарам. Как и Рюрик с

братьями в Новгороде, они были приняты здесь с почетом, собрали вокруг себя много варягов, воевали с древлянами, уличами и вскоре были посажены в Киеве на княжение.

Известно, что к 866 году у Аскольда и Дира было 10 тысяч воинов, которых византийцы называли “свирепыми норманнами”. На 200 кораблях они разграбили прибрежные города Империи и осадили Царьград с моря. Император Михаил III, бывший в это время за пределами своей столицы, тайно прокрался в город мимо русских судов, не смея вступить в бой.

В Царьграде, во Влахернской церкви, на берегу залива хранилась бесценная реликвия православного мира - Риза Святой Богородицы. По преданию, патриарх Фотий вынес ее из церкви и погрузил в море, тихое и спокойное, прося у Богородицы заступничества от врага. И тут же на море сделалась буря, разметавшая корабли русов и погубившая целое войско.

Аскольд и Дир вернулись в Киев с малой дружиной и с поредевшим войском. И был в Киеве плач великий и голод, повествуют летописи. По преданию вернувшиеся воины были так потрясены случившимся, что пожелали креститься в Православную веру и просили Царьград о присылке им епископа. Вскоре Аскольдом и Диром была выстроена в Киеве церковь Святого Николы, покровителя мореходов.

С точки зрения древнейших русских верований и традиций, события в Киеве могли развиваться следующим образом, что не исключает предание о Ризе Святой Богородицы: Аскольд и Дир, не оправдав надежд русинов-полян, должны были быть смещены с княжения, а, может быть, принесены в жертву богам. Но Аскольд и Дир с соподвижниками приняли христианскую веру, запрещающую человеческие жертвоприношения. Таким образом, они могли, по крайней мере, оправдать свое нежелание отправиться «для непосредственной беседы с богами». И возможно, кроме всего прочего, пытались спасти если не свое положение, то жизнь. На какой-то срок это им удалось.

После смерти Рюрика, при малолетнем наследнике великого князя, Игоре, власть над огромными территориями и многими народами фактически оказалась в руках его дяди - воеводы Олега. Он много лет занимался укреплением границ Новгорода и распространением его военной власти на другие пограничные племена.

В 882-м году, то есть через двадцать лет после приглашения на княжение, Олег решил перебраться в Киев. “Услышав, что Аскольд и Дир княжат в полянах, пошел Олег воевать, вышел на Днепр реку и пришел под Смоленск, и стал выше города и поставил

разноцветные шатры. Увидели это смоляне, вышли их старейшины к шатрам и спросили одного человека: "Кто это пришел, царь ли или князь в великой славе?" И вышел из шатра Олег с Игорем на руках, и сказал смолянам: "Это Игорь Рюрикович, князь русский", И нарекли его смоляне государем, и подчинился весь город Игорю. И посадил в нем своих наместников, а сам пошел по Днепру вниз, и пришел к горам киевским." ("Устюжский летописный свод") Из Повести временных лет мы узнаем, что Олег пришел к Смоленску со всеми кривичами - жителями смоленского и псковского княжеств. То есть, фактически, сам народ привел его с племянником в свою "столицу" и вынудил смоленских старейшин передать им власть.

"Оттуда (*Олег*) направился вниз (*по Днепру на земли северян, зависимых от хазар*), взял (*их древний город*) Любеч, и там посадил своих мужей". И только потом оказался под Киевом.

По преданию, Олег велел укрыться своему войску и, переодевшись купчиной-русином, послал людей к Аскольду и Диру сказать, что прибыл их единоплеменник. Аскольд и Дир вышли к прибывшему. Тот сказал им: «вы не князья и не знаменитого рода, но я - князь! Вот сын Рюриков - показал малолетнего Игоря и убил их.»

По русским традициям тех времен, скорей всего Аскольд и Дир были вызваны Олегом, представлявшим подлинную русскую власть, на Божий суд, то есть на поединок. Может быть, в этом поединке был единственный шанс Аскольда и Дира восстановить утраченный, в связи с поражением в войне, авторитет среди полян. Но, по понятиям того времени, боги отвернулись от Аскольда и Дира, не вполне законно княживших в Киеве.

Олег же победой над неудачливыми соплеменниками не только укрепил авторитет своей власти, но и законно сел княжить от имени малолетнего Игоря.

Должно быть, он был принят в Киеве с большим почетом. Ведь лидерство киевской общины в межплеменном союзе было очень выгодно русам-полянам. Вокняжение на киевском престоле Игоря, рожденного в Новгороде, было почетно и выгодно всем ногородцам. По сути дела славяне и их союзники посадили своего князя на киевский стол. И, потребовав, чтобы он посылал наместников в Новгород для суда и управы, подтвердили прежний договор и впредь платить со своей земли 300 гривн серебра в год, теперь уже в Киев.

883-м году Олег пошел войной на древлян, данников Хазарии, освободил их и наложил дань - по черной кунице с дома. В 885 году пошел Олег к радимичам – данникам Хазарии – освободил их и наложил дань по белке с дома.

Славянские и чудские племена платили дань, которая не давала князю большой прибыли - белка или куница с дома, то есть с родового селения, - но была выражением их подчинения верховной власти.

Всякое племя, входившее в племенной суперсоюз под властью киевских полян-русов, имело свои земли и свое самоуправление. Олег от имени Игоря отправлял к ним доверенных людей, которые, не вмешиваясь в традиционную жизнь местного населения, были на местах представителями верховной власти. Он приказывал им строить города, укрепленные станы и охранять границы племенных территорий.

Русские племена (то есть русины) дани Олегу не платили, они участвовали в традиционном полюдье, одаривая князя за исполнение им общественных обязанностей и функций во время его ритуальных объездов племенных территорий: для надзора за порядком, соборных пиров, которые были формой общения с правительством, для молений и верховного суда.

Вскоре под властью Киева в племенной суперсоюз объединились русы-черниговцы, и русы-перемышляне. Эти три княжества составили Русскую землю или внутреннюю, коренную Русь, за пределами которой были присоединенные и подчиненные ей племена восточных славян и угро-финнов Внешней Руси. Уже в те времена появились такие понятия и словосочетания как русские славяне, русская чудь и пр. Олег укрепил этот союз и создал межплеменное войско, в которое входили свободные и зависимые от Киева русские, славянские и чудские полки.

К 903-му году потомственный великий князь Игорь вырос и возмужал. Известно, что в этот год, во время звериной охоты, он встретил под Псковом свою будущую жену Ольгу, умную и красивую девушку простого русского рода. Тем не менее, его знаменитый дядя, не оспаривая прав первородства племянника, фактически оставался полным властелином огромных территорий. Отношения Руси с Византией видимо не прерывались со времен Аскольда и Дира. По византийским известиям князь Олег был терпим к христианству и в его времена Русь уже считалась шестидесятым Архиепископством Империи, зависимым от Константинопольского духовенства. Известно так же, что в 902 году 700 киевских русинов служили в имперском флоте и им платили из казны 100 литр золота.

В 906 году новгородцы, белоозерская весь, ростовская меря, кривичи, северяне, радимичи, хорваты, дулебы, тиверцы объединились в одном войске под началом киевских русинов и на 2000 малых

кораблей, по сорок человек в каждом, отправились в поход на Царьград. Ладьи поплыли по Днепру, а конница пошла берегом. Во время этого похода молодой князь Игорь оставался в Киеве. Олегу с Игорем, как некогда Аскольду и Диру, не чужда была дипломатия. Князья выбрали для нападения на Византию время, когда войска Империи воевали с арабами в Сирии, а флот был на Крите. Царь балканской Болгарии Симеон-греконеенавистник беспрепятственно пропустил конницу Олега через свою территорию. Доплыв до лимана Черного моря, корабли славян, чуди и русинов достигли берегов Империи. Конное войско через союзную Болгарию вышло на сухопутные границы Византии.

Наши, русские летописи, демонстрируя интернациональную объективность, не скупятся на черные краски, описывая кровавые злодеяния предков. Византийцы, уstraшенные их жестокостью, поспешили предложить дань и мир. Они выслали войску съестные припасы и вино, но Олег не принял этих даров, которые, судя по некоторым источникам, были отравлены. Он потребовал одноразовой выплаты по 12 гривен серебра на каждого воина в своем войске - живого и убитого, и еще - по столько же на каждый корабль. Кроме того, князь потребовал ежегодной дани на города Русской земли: Киев, Чернигов, Переяславль, а так же на Полоцк (кривичи), Ростов (меря), Любеч (северяне) и другие города общей суммой до полутонны серебра.

Из статей мирного договора между Олегом и императором Леоном Философом становится понятной одна из причин войны - это притеснение русских купцов на византийских рынках и недостаточное уважение прав наемных русских воинов. Самосознание нашего народа в те времена было таково, что любое оскорбление единоплеменника воспринималось как собственное, требовало мщения или унижения оскорбившего через дань и выплаты. Оговаривались в договоре правила выкупа пленных двумя странами друг у друга.

В соблюдении мирного договора император клялся Честным Крестом и Святым Евангелием, Олег и русские воины-варяги - Перуном, славяне Велесом, а все вместе - в войсках русинов, славян и чуди - своим оружием. Чужими богами в то время клясться было не принято, да и не принимались такие клятвы. О клятвах скандинавскими богами в летописях и исторических документах Византии, не упоминается.

Нравы наших предков в те времена представляли собой, как писали историки Империи, смесь варварства с добродушием. Они отличались в войнах свирепостью, но были удивительно обязательны в исполнении своих наивных клятв. Византийцы

верили им, как честным людям на слово, не бескорыстно этим пользовались, и слишком часто нарушали свои, христианские обеты. Договор двух стран писался на греческом и славянском языках. Как заметил в свое время русский историк Карамзин: “Сей договор представляет нам Россіян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имьют свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наследія, силу завьщаній; имьют торговлю внутреннюю и внешнюю.”

По преданию после войны с Империей Олег доживал свой век в благополучии и спокойствии, имея мир со всеми странами. В Архангельской же летописи под 922 годом говорится о его последнем путешествии, может быть о возвращении на склоне жизни на северную родину, и о смерти от укуса змеи на пути в город Ладогу, откуда он пришел юношей в Новгород и славно княжил среди разных народов 33 года.

По другим многочисленным источникам Олег получил предсказание от волхвов, что погибнет от своего любимого коня. Князь перестал ездить на нем и вспомнил о пророчестве через четыре года, когда конь давно умер. Олег, посмеявшись над волхвами, захотел посмотреть на кости бывшего любимца. А, увидев их, наступил ногой на череп и сказал: “Его ли мне бояться?” Но из черепа выползла змея и смертельно ужалила героя, напомнив ему, что он всего лишь простой смертный, хотя и в великой славе.

После кончины Олега, по сообщению летописцев, “*народ стеналь, и проливалъ слезы*”. Этот князь не только ужасал врагов, но был любим своим народом. Как справедливо заметил историк Карамзин: “Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу Государя умершего?”

В нашей отечественной истории, к счастью, не единственный случай, когда в течение жизни одного поколения и одного правителя Россия из глубочайшего упадка выходила в число передовых стран мира.

Рюрик управлял территориями и народами от Эстонии, Славянских Ключей и Волхова до Белоозера, устья Оки и города Ростова; Олег объединил территории и народы от Смоленска до реки Сулы, Днестра и до самых Карпатских гор. Им были сплочены земли по площади превышающие территории Византии того времени или возрождавшегося под властью германцев Западного Рима. Но это был всего лишь родоплеменной суперсоюз народов, сознающих свою силу, мощь, возможность сохраниться и выжить как этносу под властью единого правителя. История того времени преподносит

нам урок, что идея объединения вызревает в народных массах, ими же и поддерживается.

3. Древняя Русь князя Игоря.

После великих эпох и великих героев новым правителям бывает очень трудно завоевывать любовь и уважение подданных. В памяти народной, и в исторических летописях такие лидеры незаслуженно остаются в тени великих дел своих великих предков. Так случилось в нашей истории с Игорем Рюриковичем, наследным великим князем, язычником, по-христиански почитавшим старшинство и родство со своим великим дядей Олегом Вещим. Но если даже великий князь Игорь и не сумел сделать большего чем его предшественник, то он все же удержал Русскую землю в границах, объединенных Олегом и на прежней политической высоте. А это большая заслуга перед отечеством, не всегда по достоинству оцененная потомками.

О том, как зыбок и непрочен был родоплеменной союз русинов, восточных славян и чудских племен говорит тот факт, то вскоре после смерти Олега Вещего из Русской земли вышли, или отложились по старой терминологии, древляне, затем уличи.

Новому князю пришлось заново приводить в подчинение союз готовый в любой миг распасться.

В X-м веке собственности на завоеванную или присоединенную землю у князя и знати не было. Платящее дань племя, не было общиной лично зависимых людей. Они платили дань и принимали участие в военных предприятиях племенного союза под началом своих племенных князей. И только.

Игорь пошел на древлян, победил и наложил на них дань как на инородное, завоеванное племя. Восточные славяне - уличи, тоже стали сопротивляться Киеву. Игорь «примучил» их и наложил дань. В войнах с древлянами и уличами участвовала не только княжеская дружина, но и киевское ополчение - т.е. русское войско, руководимое родовитым местным воеводой Свенельдом. После возврата мятежных славянских племен в Русский союз право сбора дани в них Игорь передал воеводе Свенельду. То есть на этих территориях по нынешним понятиям вводилось военное положение. Свенельд, чтобы восстановить прежние взаимовыгодные отношения с древлянами и уличами, вернулся к Олеговой дани - куница с дыма. Узнав о политической нестабильности в Русской земле, тут же перестала вносить ежегодную плату, оговоренную с Олегом «мир деля», Византия. В эти времена в Причерноморских степях

появились печенеги, о которых прежде не упоминали летописи. Это был кочевой, скорее всего тюркоязычный народ, живший скотоводством, склонный к разбоям и набегам. Печенеги не любили открытых сражений с противником. Они, обычно, тайно пробирались на слабозащищенные оседлые территории и, пока там организовывался отпор, успевали что-то украсть, исчезая в степях от преследователей.

Во времена правления Игоря печенеги заняли Дунайское устье, Днепровские пороги, через которые проходили торговые пути. Византия обычными подкупами и интригами использовала их для войн с уграми, болгарам, с Русью. Появились печенеги и возле Киева, но получили здесь такой сокрушительный отпор, что много лет не только не нападали на Русскую землю, но и были покорными союзниками Игоря в войнах.

Нравы

Арабские путешественники и купцы, встречавшиеся в эти времена с нашими предками, оставили письменные свидетельства о своих впечатлениях такого содержания: “Всякому новорожденному сыну отец подает меч и говорит: твое единственно то, чего добудешь мечом... Если судившиеся недовольны судом князя, он говорит им: “Судитесь мечом”. У кого меч острее, тот и прав...” Другой очевидец сообщает: “Я видел русских купцов... Тело у них красное. Они не носят ни кафтанов, ни камзолов: мужчина накидывает на себя сбоку грубую одежду так, что одна рука остается свободной. У всякого топор, большой нож и меч. Никогда не ходят они без этого оружия. У всякой женщины привязана к грудям маленькая коробочка: железная, медная, серебряная или золотая, соразмерно с достатком ее мужа. На коробочке кольцо, к кольцу привязан большой нож. На шее цепи золотые или серебряные...” Арабские рукописи, опубликованные в “Истории Государства Российского” Н.М. Карамзина, использовал Голливуд для съемок красочного фильма. Правда, в этом фильме нет ничего от подлинной истории, нет и упоминания о том, что герои его, по сообщению арабов - русы. В фильме они обобщенно называются норманнами. По сообщению арабов X-го века, доставляя от нас на Восток мех черных куниц или скифских соболей, волжские болгары сами не ездили на Русь, от того, что в ней убивали всех иноземцев.

Войны

В 941-м году, собрав войско и 10000 малых судов для войны с Византией, Игорь вышел в Русское-Черное море. В эти времена ослабело и частично распалось Болгарское царство, прежде

воевавшее с Византией. Его политика стала враждебной для Руси. Болгары предупредили императора о нападении. Игорь с войском, успев пристать к берегу, опустошил Боспорские окрестности. Российский летописец повествует о свирепости наших предков: о сожженных храмах, монастырях и селениях, о бесчеловечно умерщвляемых пленниках.

Между тем, известно, что князь Игорь был настолько уверен в своей победе, что приказал брать неприятеля в плен живым. На этот раз армия, флот Византии и ее лучшие полководцы были брошены на русские войска. В бухте возле Константинополя против флота князя Игоря был использован знаменитый греческий огонь (прототип напалма). Поредевший русский флот отошел к берегам Малой Азии. Там ему пришлось высадиться на берег и сразиться с отборной пехотой Империи. Затем русский флот ушел к берегам Фракии и еще раз сразился там с византийцами на море.

По понятиям того времени русские боги не особенно охотно помогали нашим предкам и их поредевшие войска вынуждены были вернуться на родину. Об этом походе Игоря рассказывают не только византийские, но и арабские историки.

Но поражение в войне с Империей не повергло наших воинственных предков в уныние. Игорь собрал новое многочисленное войско, призвав с севера и с Балтики новых варягосов и наняв печенегов. Через два года он вновь пошел войной на Византию с флотом и конницей. Болгары и херсонцы снова сообщили императору о нападении русских войск. Видимо, предыдущая, не вполне удачная война, все-таки произвела впечатление на Византию. Император не стал готовиться к отпору, но выслал послов к Игорю. Они встретили его войско возле дунайских порогов и предложили дань, какую платили Олегу. Игорь созвал на совет бояр с дружиной и те решили отказаться от нападения при подтверждении прежнего договора Олега с Империей. Нанятых печенегов Игорь отправил разорять изменивших болгар.

Договор Игоря с Византией заново повторил многие прежние статьи о правах и обязанностях русских купцов, подтвердил отказ русского князя от присвоения власти в стране Херсонской и городах ее, на чем заострялось внимание во всех договорах. Видимо память о Крыме как об исторической родине в те времена была еще свежа среди восточных славян и русинов. Договор Игоря с Византией оговаривал даже защиту Таврических владений Империи от Черных болгар.

В этом договоре византийцы требовали, чтобы российские купцы на рынках Византии “предъявляли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении”. Видимо, под видом купцов

русины и славяне промышляли грабежами в Черном море, а потом торговали награбленным товаром в Царьграде. Послы российские, потрясенные нарядами императора и его семьи, просили в дар царскую одежду и венцы (короны). Их снисходительно уверили, что все это сделано руками ангелов и должно храниться в Софийской церкви.

Судя по договору, основной напиток наших предков в те времена - мед. Но высший, правящий слой уже тогда употреблял греческие вина, фрукты и перец, носил шелковые одежды, драгоценные пояса и сафьяновые сапоги.

На этот раз русские воины клялись не только Перуном и Велесом: “Христиане въ Соборной церкви Св. Іліи подлежащимъ честнымъ Крестомъ..., а некрещеные полагая на землю щиты свои, обручи и мечи обнаженные”, - записано в договоре. Это говорит о том, что Православие во времена князя Игоря было на Руси уже народной религией наряду с национально-племенным славянским язычеством. Особенно популярным Христианство было среди “профессиональных” воинов-наемников - варягорузов.

Духовно-религиозный кризис уже в те годы мешал созданию русской государственности. При древнейших связях и общих славянорусских верованиях, каждое восточно-славянское и русское племя имело своих главных богов-покровителей, им отдавало предпочтение. Киевские поляне, занимавшие в родоплеменном суперсоюзе ранней Руси лидирующее положение, острее других сознавали временность и ненадежность, как своего положения, так и прочности союза. Они, пожалуй, первыми пришли к пониманию, что действительное объединение возможно только на духовно-идеинной основе. Сначала, во времена Игоревы, Перун был объявлен верховным общеславянским божеством. В дальнейшем поляне опирались не только на военную силу для сохранения лидерства, но с их стороны были предприняты попытки религиозного воздействия на другие племена. Киевская знать стремилась превратить свой город в культовый центр восточного славянства. С этой целью капище Перуна - русского бога, расположенного в черте укрепленного города, было вынесено на место доступное всем проезжающим.

По окончании войны с Империей и после получения богатой дани князь Игорь мог позволить себе заслуженный отдых и благополучную старость. Ведь он достойно правил Русью 32 года, не опустив знамен своего великого дяди. Но кончина его, описанная в летописях, очень загадочна и еще раз подтверждает непрочность, политическую нестабильность Руси того времени.

Летописи навязывают нам очень нелогичный, в историческом контексте и нравах того времени, мотив убийства князя Игоря древлянами. Князь со Свинельдовым войском ходил брать дань с древлян. Получив ее, отправил войско в Киев, а сам с малой дружиной вернулся потому, что дружинники стали требовать от князя дополнительного сбора дани с древлян в свою пользу, жалуясь, что они “наги и босы”. И это после победоносного похода, после богатейших подарков и дани с Византии.

Игорь Рюрикович с самыми приближенными из своих людей, - с малой дружиной, вернулся и был убит жителями древлянского города Искоростеня, якобы, как жертва собственной корысти. Скорее всего с князем произошла совсем иная история. Участвуя с войском в сборе дани, он был глубоко тронут смирением, а может быть и раскаянием древлян. Ведь это был народ, родственник по крови, но из-за бунтов и распрей приравненный Игорем по дани к инородцам. Великий князь раскаялся в своей неприязни к древлянам. Отправив свенельдово войско в Кинв, с одной малой дружиной он вернулся в полюдь, для ритуальных молений и братских пиров, как свой к своим: если великий князь мог передать право сбора дани другому человеку, то право и обязанность полюдья никому не передавалось по древнейшей традиции.

Древляне же, получив беззащитного киевского князя, поняли его возвращение как победу древлянских богов над полянскими-русскими, а следовательно, как передачу богами права первенства в славяно-чудско-русском племенном союзе древлянам. Ведь к лидерству стремилось каждое племя Древней Руси.

Древляне во главе с князем Малом, принесли в жертву своим богам князя Игоря и его окружение. Князь был привязан к двум священным березам на капище и разодран на части. По древнеарийским верованиям князь, принеся в жертву другого князя, получал его силу, смелость, способности, имущество. Он мог даже замещать жертву в его семье и окружении. Если исходить из такого понимания, то дальнейшие, описанные в летописях события, понятны и логичны с точки зрения нравов тех времен. А сватовство древлянского князя Мала не воспринимается как наивная глупость древлянского народа.

Древляне торжествовали полную победу. Они отправили в Киев лучших людей, как победители. И Киев едва не лишается прежней власти. Древлянские послы предложили овдовевшей Ольге (Волге) выйти замуж за их князя Мала, унаследовавшего силу и власть Игоря. И это сватовство выглядит как предложение о безоговорочной капитуляции. Одно из ее условий: со Святославом, сыном Игоря, Мал поступит, как ему заблагорассудится.

Но княгиня, с помощью ближайших бояр киевских Свенельда и Асмуда, при поддержке всей киевской общины, а скорей всего, всей коренной Руси: Киева, Чернигова и Переяславля – всех переживающих идеологическое поражение в связи с ритуальной гибелью князя, поступает непредсказуемо: вопреки обстоятельствам, но в соответствии с древнейшими традициями и верованиями. Не протестуя и не показывая своих истинных чувств, она коварно заманивает к себе лучших древлянских людей и жестоко расправляется с ними в тайне от других, торжествуя победу. Затем она униженно и покорно просит древлян позволить ей побывать на их капище и попроситься с останками мужа. И, получив такое разрешение, приносит убийц мужа в жертву их же богам, на их же священном месте, одержав идеологическую победу над древлянами. Затем она сожгла, принесла в жертву, всех старейшин Искоростеня.

Княгиня победила древлянских богов, которые по воззрениям древних принимали участие в людских делах и битвах. Воины тех времен защищали богов, а боги защищали воинов. Сражаясь против врага, каждый был убежден, что он сражается и против вражеских богов. Чужих богов разрешалось ненавидеть, брать в плен. И только после «идеологической схватки» дело дошло до открытой битвы между древлянами и русскими войсками, до битвы, в которой силы сторон были почти равны, но древляне уже сломлены морально. Бой начал малолетний великий князь - сын Игоря и Ольги - Святослав. Он бросил копье первым. И копье это, по сообщению летописца, скользнув между ушей коня, упало к его копытам. Воеводы Свенельд и Асмуд с призывом: “станем за князя!” бросились в бой первыми.

Возраст князя в те века имел символическое значение. В нем воплощался коллективный разум и коллективная воля всего племени. С древнейших, арийских времен вождь не имел право быть старым, больным и дряхлым, поскольку такие лидеры, по понятиям своего времени, навлекали на руководимый ими народ несчастья. Но мечом наладить прежнего порядка было невозможно. Захватить древлянскую землю, не уничтожив полностью весь народ, богов и все что ими создано, было делом немислимым в те времена. Чтобы обеспечить бесперебойное поступление дани в Киев, мало было подавить восстание, нужно было восстановить порядок. Ольга от имени сына навела этот порядок, упорядочив сбор дани и условия единения под одной властью. Она с малолетним князем Святославом проводила много времени в разъездах, полюдьях и охоте. Охота в те времена была не только развлечением, но и религиозным ритуалом, отправление которого властителю предписывал обычай. Княгиня

ездила в Новгород и Псков, везде наводя внутренний порядок и утверждая законность.

Своим мудрым правлением она смогла завоевать если не любовь, то уважение покоренных племен. С тех пор древляне уже никогда не пытались обособиться от Руси и прочно заняли место в ее составе. А княгиня долго почиталась у них: места ее стоянок и охот были предметом уважения и любопытства.

Как сообщают летописи, в 955 году Ольга отправилась в столицу Империи и приняла там крещение в Православную веру от самого патриарха и императора Константина Багрянородного. Судя по сообщениям византийских историков, принята она в Царьграде не соответственно сану правительницы народов, которым Империя платила дань. Но русская княгиня учтиво перенесла угощения в отдельных от царской семьи залах и даже приняла унижительный подарок императора - 16 червонцев. В это время ей было около шестидесяти лет.

Вернувшись в Киев, Ольга строила храмы, проповедовала учение и многие подданные, слушая ее, и, глядя на нее, крестились.

Русь в это время была в мире и дружбе с Византией. Русины служили при дворе императора, в его флоте и войсках. Известно, что в 964 году русские наемники сражались в войсках Империи с сарацинами. Между тем, когда приехали в Киев греческие послы с требованием, чтобы великая княгиня исполнила свое обещание - прислала в Византию вспомогательное войско, а так же подарки в виде невольников, мехов и воска, Ольга сказала им: “Когда ваш царь постоит у меня под городом столько же, сколько я стояла у него в гавани Константинопольской - тогда пришлю ему дары и войско”. С чем послы и вернулись к императору. Христианское смирение не смешивалось нашими предками с унижением национального достоинства.

4. Великий князь **Святослав**

Великий князь Святослав, как повествуют летописи, с ранних лет полюбил суровую воинскую жизнь, переложив кропотливые обязанности по руководству и обустройству Русской земли на мать, великую княгиню Ольгу. Его дружина не возила с собой ни котлов, ни шатров, ни обоза, считая всякую роскошь унижительной для воина. Сам князь довольствовался печеной на костре кониной и мясом диких зверей, спал под открытым небом, с седлом под головой. Он презирал неожиданные печенежские нападения и перед

всяким боем предупреждал противника, повелевая сказать ему: “Иду на вас!”

Княгиня Ольга долго пыталась привить сыну любовь к христианству, но он решительно и твердо отказывался креститься, ссылаясь на то, что его дружина будет над ним смеяться. Святослав всю свою жизнь следовал обрядам русского язычества, не запрещая близким креститься и не показывая презрения к христианству.

В 964 году Святослав на Оке и Волге освободил вятичей от дани хазарам, обезопасив свой тыл. В 965-м он воевал с хазарами, разрушив их столицу, укрепленную с греческим искусством, воевал с ясами и касогами и разбил их полностью. С тех пор Хазария, как государственное объединение, уже никогда не поднялась.

Новый поток невольников хлынул из Руси на внешние рынки.

Между тем внутри страны цены на рабов тоже стали расти и по сообщению иностранцев каждый свободный и уважающий себя муж стал считать делом чести иметь в доме невольников.

Русская земля не баловала в древности инородцев гостеприимством. По сообщению арабов в X-м веке, “доставляя шкуры скифских соболей, волжские болгары сами не ездят на Русь, от того, что в ней убивают всех иноземцев”. В годы правления Святослава, уже многие пограничные, соседствующие народы смотрели друг на друга как на возможный товар.

В эти же времена между Византией и Болгарией возникли разногласия из-за того, что болгары плохо исполняли свои вассальные обязанности. Император Никифор решил наказать их с помощью Руси и обратился через послов к Святославу с предложением начать войну против Болгарского царства, пообещав заплатить шестьсот килограммов золота. Византия имела обыкновение стравливать опасных для себя противников. Видимо это предприятие совпадало с планами князя Святослава, который войной с хазарами, ясами и касогами обезопасил себе тыл для нападения на болгар. Он принял золото и с 60000 воинов на ладьях приплыл по Дунаю к болгарам. Там он легко захватил их города и обосновался в болгарском городе Переяславце.

Быстрой победе Святослава способствовало то, что правительство и народ Болгарии в это время были разделены на два лагеря: один традиционно стремился к Руси, другой пытался наладить отношения с Византией. Молодой болгарский царь сохранял свою власть и получал царские почести, Святослав не брал с болгар дани и жил там со своим войском наподобие нынешнего “миротворческого контингента”.

В 968-м году семидесятилетняя великая княгиня Ольга все еще пыталась сама поддерживать порядок и защищать Русь, лучшие воины которой были в Болгарии. Почувствовав слабость страны, к Киеву тут же подступили печенеги и окружили город таким плотным кольцом, что никто не мог из него выйти. Изнемогая от голода и жажды, Ольга с внуками заперлась в его стенах и долго не могла передать призыв о помощи ни сыну, ни ближайшим русским племенам.

Наконец нашелся удалец, сообщивший русскому воеводе Претичу, стоявшему с малой дружиной за Днепром, что киевляне уже думают сдаться печенегам. Боясь гнева великого князя, Претич решил спасти хотя бы его семейство и утром начал переправу через Днепр на многих лодках. Его воины “вострубиша вельми”, со стен Киевских в помощь им “кликнуша” и печенеги “побегоша”, забыв свои малахайи.

Византийские историки сообщают, что “тавроскифы-русы”, бросаясь в бой на ромеев, всегда рычали наподобие зверей. Оправившись от страха, печенежский князь увидел, что русинов очень мало и попросил встречи с воеводой. Хитрый Претич сказал ему, что ведет передовой отряд Святославого войска. Обманутый печенег тут же предложил мир и дружбу “на века”. Освобожденные киевляне послали гонцов к Святославу с призывом матери. Князь был глубоко тронут сообщением, поспешно вернулся в Киев, раскаялся и наказал печенегов.

В прежние, особенно в стародавние послескифские времена, князь был только предводителем воинства в племенах, управляемых советом старейшин. В соответствии с этими традициями жил Святослав. Но времена изменились, и от князя уже требовалось быть не только храбрым воином, но и политиком, блюсти свою землю. Не прожив и года, как положено великому князю и политику, Святослав так заскучал, что в 969 году, в присутствии бояр и матери, заявил, что ему приятней жить в Переяславце. Такие слова в устах великого князя, не смотря на его глубочайший воинский патриотизм, были отречением от родной земли. Он сопоставил Русь с другими землями и болгарскую предпочел. Оскорбленная княгиня-мать сказала свое последнее слово: “Погреби меня и тогда иди, куда хочешь”.

На четвертый день после сказанного она скончалась, запретив справлять по себе языческую тризну, и была погребена христианским священником, на месте, самой ей для этого выбранном. Сын, внуки и весь народ искренне оплакивали ее кончину. Но от своих намерений Святослав не отступился. В

расцвете сил он передал правление Киевом своему сыну Ярополку, а правление древлянскими народами - сыну Олегу.

Это первый в истории России известный случай отречения от народа и власти правителем. К сожалению, он не единственный. И все они заканчивались с одинаковым трагизмом и с поразительной схожестью.

Заносчивые новгородцы, по-прежнему содержавшие княжескую дружину, в это время были управлялись наместниками Святослава. Они были глубоко оскорблены, тем, что какие-то там древляне получили подлинного князя, а они, зачинщики государственности, отодвигаются на третьестепенную роль. Они заявили, что если Святослав не даст им сына в князья, то изберут своего князя и перестанут платить Киеву клятвенно обещанные 300 гривн. Святослав согласился, что это справедливо и предложил сыну своему Олегу вместо древлян возглавить новгородцев, но тот отказался. Тогда новгородцы предложили выдать им третьего, малолетнего сына Святослава, Владимира, который был согласен править новгородцами.

В русских летописях есть некоторые недомолвки и двусмысленные намеки в отношении не вполне законного происхождения князя Владимира, что дало повод некоторым писателям и тенденциозным исследователям говорить о том, что мать его чуть ли не хазарка-иудейка. Это не так. Доподлинно известно, что мать Владимира звали Малушей, ее отцом был Малк любечанин, то есть славянин-северянин, ее родной брат Добрыня был боярином, а сама Малуша входила в ближайшее окружение княгини Ольги не будучи ни рабыней, ни наложницей Святослава. Она не могла таковой быть, поскольку восточнославянские племена северян-любечан полноправно входили в состав земли Русской. О матери старших сыновей князя не говорится ничего. Возможно, она была княжеского происхождения, а Малуша, как и сама Ольга - простого, незначительного рода. И только. Скорей всего она была второй женой Святослава, которую, как язычнику, ему иметь не запрещалось.

Видимо, к этому времени, в связи с массовым распространением христианской морали среди русинов, многобрачие уже не уважалось и это неуважение переносилось на сына от второго брака.

К тому же, очень давняя древнеарийская традиция жестко ограничивала круг законных наследников: дети от рабынь – были рабами, дети от наложниц – не претендовали на родство с отцом, дети от иных жен, кроме главной, – не имели права полного и прямого наследства..

Святослав первым из русских князей дал сыновьям земли в уделы, что после многовекового печального опыта было прекращено только

св. Дмитрием Донским. Затем, бывший великий князь, великий русский воин и полководец навсегда покинул русскую землю, преднамеренно или необдуманно, лишив себя возможности вернуться. При вторичном приходе в Болгарию в 971 году в составе его войск были печенеги.

Во время отсутствия Святослава в Переяславце произошел переворот. На этот раз русского князя в Болгарии встретили многочисленные войска страны. После тяжелого кровопролитного боя россияне приступом взяли Переяславец во второй раз. Вскоре они овладели всей Болгарией и оставались в ней на прежних условиях, уважая царское достоинство болгарского царя.

По традициям тех времен князь не брал дани с народов, на землях которых сидит. Следовательно, Святослав получал традиционную Олегову дань с Византии “мир деля” на себя и свое войско или рассчитывал на обещанное Византией вознаграждение.

Политический и военный переворот в Болгарии в отсутствие Святослава устроили византийцы, увидев, что русские, находясь возле границ Империи, гораздо опасней самих болгар. После вторичной победы византийцы через послов предложили Святославу покинуть Болгарию. Он же потребовал с них дань и огромный выкуп за измену прежнему договору, пригрозив в противном случае захватить Константинополь и выгнать византийцев из Европы в Азию.

Послы дали подарки, уговаривали князя не ходить на Царьград, но от прежних обещаний, уклонились. Оскорбленный Святослав, присоединил к своему войску дружественную часть болгар, призвал печенегов, венгров, и начал исполнять обещанные угрозы. Его войска стали продвигаться к Константинополю, опустошая свой путь. Когда византийцы стотысячным войском окружили со всех сторон полки князя, вдобавок расколов его многонациональное войско обычными интригами, Святослав сказал своей дружине, на которую только и мог полагаться: “Бегство не спасет нас; волей или неволей мы должны сразиться. Не посрамям же Отечества, но ляжем здесь костьми: *мертвые срама не имут*. Я пойду впереди и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите...” Его дружинники ответили: “наши головы лягут вместе с твоей!” Они вступили в бой, и вышли из окружения, рассеяв неприятеля.

В эти годы Византией правил новый император Иоан Цимиский, отравивший прежнего - Никифора Фоку, который призвал русское войско в Болгарию. Новый император, в отличие от прежних изнеженных правителей, был смелым воином и на какое-то время сумел возродить былой, воинственный дух Рима. С лучшими силами Империи, тесня войска Святослава, он вошел в Болгарию, взял

штурмом ее столицу вместе с царем Борисом, обещая, что не причинит зла болгарам, но расправится с русами.

Святослав, узнав о взятии столицы, стал искать встречи с отборным войском императора. Византийские хронисты сообщают, что встреча эта состоялась. От первого удара ромеев поколебались ряды русские, но вновь сомкнулись и продолжили битву. Двенадцать раз в течение одного дня то одно, то другое войско собиралось торжествовать победу и было на грани отступления. В первых рядах с одинаковой храбростью бились император Иоан и князь Святослав. Наконец, к вечеру, Святослав вынужден был отступить к городу Доростолу. Он укрепил его, казнил и арестовал в нем болгар склонных к измене, и начал военные действия против врага. Византийские историки описывают остервенение, с которым дрались осажденные. Считая, что убитый неприятелем без сопротивления, должен служить ему рабом в потустороннем мире, раненые войны Святослава вонзали себе в сердце мечи, когда понимали, что уже не могут биться. Их жены дрались как амазонки в кровопролитных сечах. Малейший успех придавал им новую силу. Более двух месяцев продолжалась осада. По доблести, а не по рождению, лучшие русские полководцы Сфенкал и Икмор, погибли. Россияне терпели голод. Родина было далеко. Соседние народы волей и неволей сражались на стороне Византии. Помощи ждать было не от куда.

В таких условиях Святослав собрал своих дружинников на совет. Все они признавали, что продолжать войну с теми силами, которыми располагали, бессмысленно. Одни предлагали спастись бегством, другие - просить мира у императора. Но Святослав не согласился с ними. "Погибнет слава россиян, если ныне устрашимся смерти, - сказал он. - Что хорошего в жизни людей, спасшихся бегством? И не впадем ли мы в презрение народов, доселе ужасаемых именем Русским? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, мы должны или победить или пасть с честью, совершив дела великие!"

Дружина единодушно поддержала своего князя и утром следом за ним вышла на битву. Святослав приказал запереть за собой ворота крепости, чтобы никто не мог думать о возвращении в Доростол. Сражение началось утром. Больше всего византийцы хотели уничтожить самого Святослава. Один из вражеских героев по имени Анемас пробил себе путь в русских рядах к князю и сумел даже ранить его, сбив с коня. К полудню войска Империи стали отступать. Но тут сама природа ополчилась против наших предков: сильный ветер поднялся с юга и дул им в глаза пылью так, что они

вынуждены были прекратить битву. Византийцы сочли себя победителями с помощью Святого Федора Стратилата, явившегося, будто, впереди войска и приведшего в смятение русские полки. Возможно, что и наши предки, не смотря на явный перевес к победе, были сломлены в этой битве каким-то знаменем, поскольку вернулись в город, путь в который сами себе отрезали, а вскоре последовало согласие Святослава на мир.

Император очень обрадовался такому решению русских воинов и выслал им великие дары. “Возьмем их! - сказал своей дружине Святослав. - Когда же станем недовольны греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царьграду.” Так повествует наш летописец. Византийские историки говорят, что император Иоан Цимиский, позволяя Святославу уйти из Болгарии и подтвердив прежние договоры с Игорем и Олегом в отношении торговли, сказал с гордостью: “Мы любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями”. Имперский вельможа Феофан Синкел и русский воевода Свенельд именем государей своих подписали договор, который показывает, что победа была одержана Византией.

Утвердив мир, император снабдил российских воинов съестными припасами и выплатил им огромную сумму золотом. Бывший великий князь Руси пожелал встретиться с ним и предложение его было принято. Император в окружении златоносных латников приехал в седле на берег Дуная в обусловленное место. Святослав причалил к берегу на ладье, сидя за веслом в простой белой одежде. По описанию византийцев это был среднего роста, стройный и мрачный человек дикого вида. У него была широкая грудь, толстая шея, голубые глаза, густые брови, плосковатый нос, длинные усы, редкая борода, а на голове - один клок волос в знак его родовитости и благородства. В ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином.

Император спешил. Святослав сидел в ладье. Так встретились два героя, не раз искавшие в бою встречи для поединка, и уважавшие друг друга за личную воинскую храбрость. Неизвестно о чем говорили они, но, по словам современников, - расстались друзьями, насколько это возможно в их положении.

Святослав с остатками своего войска и с огромными богатствами стал возвращаться на Русь Дунаем и Русским (Черным) морем на ладьях. Император отправил к печенегам посольство, которое заключило с ними договор, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили россиян через контролируемые территории. Печенеги, по словам византийских хронистов, согласились на все, кроме последнего, сердясь на

союзников за то, что они примирились с Империей. Русский летописец обвиняет жителей Переяславца, которые сообщили печенегам, что Святослав возвращается с малой дружиной и великими богатствами.

Печенеги окружили Днепровские пороги и ждали Святослава. Воевода Свенельд знал об этом и советовал князю идти сухим путем. Но Святослав, по сообщению летописей, не внял совету и решил зимовать в устье Днепра, где вскоре начался голод.

По предположениям современных историков христианское окружение Ярополка, стоворилось с печенегами и предало им Святослава за пренебрежение интересами Киева. Действительно, в качестве кого Святослав мог вернуться, обладая незаурядным полководческим талантом, любовью русского воинства и будучи еще в расцвете сил? Тем более, Византия подтвердила Ярополку, как великому князю Русской земли, а не Святославу, договор о традиционной ежегодной дани “мир деля”.

Киевский воевода Свенельд, в большей степени преданный своему племени, чем лично князю, оставил его в тяжелейших условиях, уходя, якобы, за помощью. Но, придя в Киев, он уже сообщил о смерти Святослава и при этом не был ни опозорен, ни укорен - ни киевлянами, ни потомками, хотя, казалось бы, совершил страшное преступление против вечного кодекса воинской чести: оставил на явную гибель своего князя.

Скорей всего возле устья Днепра Святослав ждал от киевлян не помощи против печенегов, которые от одного его имени приходили в ужас, он ждал, когда народ, от которого он отрекся, Русь, которую сопоставил с чужой страной, простят и позовут. Иначе его возвращение было бы началом смуты. Но “народ безмолствовал”, отказав в прощении великому воину, но плохому главе государства. Блюсти родную землю - стало святой обязанностью князя.

Неизвестно и то, была ли битва с печенегами? Летописцы торопливо сообщают, что Святослав погиб и печенежский хан Куря, по древнеарийской традиции отрубив ему голову, сделал из нее чашу. Кое-кто из потомков добавил к этой легенде, что хан вырезал на этой чаше слова русского поучения: “Пойдешь за чужим, свое утратишь!” Германцы и славяне в те времена еще использовали черепа своих очень знатных врагов в качестве чаш для питья.

В легендарном описании кончины великого князя Святослава, при авторском уважении летописца к герою, просматривается недоброжелательный вымысел ради сурового назидания потомству. В этой легенде заключен жизненный опыт предков, который все мы обязаны извлекать из национальной истории.

С какими мыслями и чувствами, каким образом князь Святослав принял свою кончину известно только Отцу Небесному, которого в те далекие времена уже почти по-христиански воспринимали русские язычники.

Наверное, он думал о судьбе, не раз жестоко шутившей с ним. О том, что как Ахилл, которого византийские греки считали предком русов и славян, искал славы и гибели, но волей богов оставался жив; что, запирая за собой ворота Доростола, вынужден был вернуться в этот город, что, отсекая для себя возможность возвращения на Русь, теперь униженно ждет от нее решения своей участи, не смотря на богатства и славу, которые добыл от ее имени и ради нее. Помнил он, наверное, и о том, что в древней Руси, всякий, кто побывал за рубежом, надеясь найти там спасение и помощь, дома навсегда оставался под подозрением, поскольку “наши предки полагали, что такой человек, не просто странный, но чужой, хотя бы немного, но уже не свой”.

5. (Ярополк и Владимир)

Крещение великого князя.

Исторический образ князя Владимира так тесно переплетается с народными преданиями-мифами, с православной житийной литературой и подлинной историей, что понять дух времени, в котором жил великий князь и русский святой, очень непросто. Многие современники считают это время идеальной русской стариной. В действительности же, происходившие при князе Святославе, процессы разрушения и разложения традиций, после его смерти достигли своего пика: распадались родовая община - основа, на которой века и тысячелетия незыблемо строилась жизнь наших предков. Начиналась одна из первых «перестроек» нашей истории. Рюрик и Игорь, как великие князья, скорей всего имели многочисленное потомство от жен, наложниц и рабынь. Но у каждого из них был только один законный наследник. Святослав имел двух законных наследников: Ярополка и Олега. Если бы его побочный сын Владимир не стал великим князем, возможно, потомки не узнали бы о его происхождении от Святослава. Великие князья и прежде назначали своими представителями в различные племена и территории близких людей и родственников, но полнота власти всегда оставалась в одних руках. Между двумя наследниками Святослава вскоре появились вражда и соперничество, чего не могло быть между братьями предыдущих

веков. Таким образом, княжеская семья стала первым историческим сигналом грядущих социальных перемен во всей Великой Руси, по крайней мере, среди русских и восточно-славянских племен.

Автор «Повести временных лет» видел причину будущих народных бед в воле Божьей, осуществляемой через цепь случайностей и совпадений. Древлянский князь Олег во время охоты убил Люта - сына знаменитого воеводы киевского ополчения Свенельда. «... постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его». Так впервые в традиционные межплеменные распри были втянуты князья-рюриковичи.

В 977 году киевляне решили напасть на союзное древлянское княжество, управляемое сыном Святослава. Узнав о намерениях брата, Олег тоже собрал войско и вышел против киевлян, но был побежден Ярополком и, спасаясь бегством, случайно погиб в свалке у ворот города Овруча.

Гибель одного из братьев была, видимо, не так уж случайна, поскольку новгородский посадник князь Владимир, услышав, что Ярополк погубил Олега, тут же бежал из города и из Великой Руси к вольным варягам. Ярополка бегство брата ничуть не удивило, он «посадил своих посадников в Новгороде и один владел Русскою землей...»

Дальнейшие события показывают, что за годы недолгого единовластия Ярополк восстановил против себя все подданные народы, за исключением печенегов. В правлении Великой Русью он опирался не на русь, славян и чудь, а на печенежские, полузависимые от Руси, племена, которые находились в то время под религиозным влиянием хорезмшаха и принимали мусульманство.

Если Святослав – великий воин, предпочел суровый, родной край благодатной чужбине, и потерял все, то его сын, Ярополк, (как это неоднократно случалось в истории российских правителей) в погоне за популярностью среди инородцев-печенегов, оскорбил национальные чувства подданных народов и стал настолько нелюбим на Руси, что даже среди ближайшего окружения у него почти не осталось верных людей.

В 980-м году Владимир вернулся в Новгород с наемным войском из варягов и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

В это время в Полоцке, у кривичей, был наместником верный Ярополку варяг Рогволод. Он имел дочь Рогнеду, сговоренную замуж за Ярополка вторым или третьим браком. Владимир через

послов потребовал ее руки. Рогнеда отнеслась к его сватовству с презрением, предпочитая мятежнику законного правителя. Тогда Владимир с варягами, новгородцами, с местными кривичами и чудью взял Полоцк, и, убив Рогволода с двумя его сыновьями, насильно женился на Рогнеде. В дальнейшем она, первая и главная супруга, родила ему Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей.

Настроения в стране были явно не в пользу Ярополка, поскольку великий князь не усомнился, услышав, что «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». После попытки спастись бегством, Ярополк сдался на милость брата. Из ближайшего окружения верность великому князю сохранил только неименитый дружинник – Варяжко. Он говорил Ярополку: «Не ходи князь (к Владимиру), убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов».

Этот дружинник не ошибся, «увидев, что Ярополк убит, бежал со двора теремного к печенегам и часто воевал с печенегами против Владимира».

Ярополк четыре года был киевским князем и три - великим князем всей Руси. Он оставил после себя беременную жену - греческую монахиню, плененную Святославом и данную ему в жены за красоту. Известно, что во времена его княжения, в 973 году, при дворе императора Западного Рима Оттона, были российские послы, отправленные туда, видимо, еще княгиней Ольгой.

Убив старшего брата, Владимир взял жену Ярополка-гречанку беременную Святополком. Летописец выражает осуждение православной церковью этого брака. Но в то время поступок Владимира мотивировался не прихотью и не похотью, а древнейшей традицией: принеся в жертву князя наследовал его власть, силу, способности, семью, имущество и обязанности. Этим поступком Владимир старался завоевать любовь и поддержку народа. Как получивший власть не по праву рождения, он всю свою жизнь, вынужден был завоевать любовь подданных, и, чаще всего, поступал так, как того хотел народ. В этом смысле подлинная биография князя Владимира, его нелогичные, часто взаимоисключающие по смыслу поступки, отражают народные искания, устремления и заблуждения того времени.

Варяги, жившие за пределами Древней Руси, те, что помогли Владимиру победить брата, в большинстве своем пришли в надежде на добычу. Когда Владимир захватил киевский престол, они потребовали награды: «Это наш город, мы его захватили – хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». Ясно, что

Владимир первое время чувствовал себя в Киеве не вполне уверенно: народы Руси воевали против Ярополка, а не за него. Он вынужден был сказать наемникам: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул ты нас, так отпусти в Греческую землю».

Когда варяги увидели, что войско киевское сильнее их и поддерживает князя, они не посмели бунтовать. Владимир отпустил их, удержав при себе лучших и дав им многие города в наместничество.

С самого начала своего великого княжения Владимир, при полной поддержке подданных, попытался вернуться к старине, возродив роль вечевого собора старейшин, совета дружины, он попытался создать новую идеологию в замен прежней, саморазрушающейся. Первым делом великий князь и единый правитель «поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами и приводили к ним своих сыновей и дочерей...» То есть, Владимир свел воедино богов разных славянских, чудских и русских племен под началом бога русского воинства – Перуна. Видимо, таковой в то время представлялась идея русской государственности великому князю и его окружению, киевлянам, осевшим русинам и кочующим варягами.

В это время Новгородом управлял дядя Владимира, брат его матери - Добрыня. Он, славянин-северянин, тоже поставил кумирню русского Перуна на берегу Волхова, среди новгородских славян, отнюдь, не предпочитавших русских богов своим, славянским. Можно догадываться, что эта «идеологическая перестройка» поддерживалась народами разных племен, поскольку кризис захватил все стороны их жизни.

Именно в это время возникло новое явление во всей Великой Руси, не знавшей рабства соплеменников - холопство. Наряду с челядинами – пленными инородцами-рабами и их детьми, появляются холопы – рабы из своих.

Во времена войн между братьями-князьями, Великая Русь снова стала рассыпаться на составные племенные земли. Как отцу и деду, Владимиру пришлось заново соединять их с помощью силы. В «981-м году пошел он на поляков ...».

К этому времени польские славяне, ляхи, под властью Мечислава имели единовластие и уже приняли христианство. Владимир объявил Мечиславу войну с намерением вернуть земли и народы,

завоеванные еще Олегом в Галиции. Он взял города Червлень, Перемышль и другие, которые с того времени, назывались Червенскими.

По сообщению русского историка Карамзина: «В середине девятого века, быв до этого игралищем несогласных воевод своих, (предки народов Польши) избрали в государи Пяста, потомки которого царствовали до конца 14 века. Начало польских летописей затемнено баснями. Мартин Галлус и Кадлубек, древнейшие их историки, моложе Нестора на целый век».

От города Червена произошло название Червенной Руси, которое иностранцы на своих языках обратили в Красную Русь.

В 982-м году Владимир смирил бунт вятичей, не желавших платить дани. «Возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал». На следующий год вятичи вновь обособились «...войною, и пошел на них Владимир и победил их» вторично.

В 983-м году «Пошел Владимир на ятвягов и победил ятвягов, и взял их землю». Этот народ жил в лесах между Литвой и Польшей. По сообщению Карамзина ятвяги были полностью истреблены поляками, литвой и россиянами. Литовцы, жившие за Двиной, оставались независимы до времен Ярослава Великого.

Сообщение летописца «взял землю их», возможно содержит информацию не только об историческом факте, но и о глубоких переменах, происходивших на Руси. До тех пор невозможно было взять землю даже неподалеку от Киева на Днепровских порогах, где постоянно случались грабежи купеческих караванов печенегам. Печенегов терпели не потому, что не могли победить. По древнейшим арийским понятиям, и по ветхозаветным библейским тоже, земля не терпела пустоты и необитаемости. Чтобы «взять землю» нужно было не только полностью уничтожить ее население, но и заселить новым народом. Взяв землю и не наложив на нее дань, Владимир должен был ее кому-то отдать.

В это время владения Руси к северо-западу распространились до Балтийского моря, так как Ливония по сообщению исландского летописца принадлежала Владимиру. Его наместники собирали дань со всех народов между Курляндией и Финским заливом. На месте нынешнего Таллина-Ревеля, возникшего на месте русского города Коломна, в то время был работорговый рынок, контролируемый киевлянами. На рынке этом основной товар представляли плененные скандинавские ремесленники.

Можно догадываться, что победы на западе были особым событием в череде объединительных войн тех лет. С этой войны Владимир возвращался «к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими.

И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». То есть великий князь и его окружение на радостях решили возродить древнейшую общеарийскую традицию жертвоприношения не просто человеческой кровью, но кровью собрата.

Народные настроения этого периода можно назвать экстремистскими и князь Владимир был их главным выразителем. «Повесть временных лет» сообщает, что такой жертвой по жребию стал юный сын варяга Федора, после службы в Византии жившего в Киеве. Подобных варягов в Киеве было много, но этот исповедовал христианскую веру, к тому времени широко распространенную в городе и вообще среди русинов. Русское язычество и православие мирно уживались и сосуществовали в Древней Руси на всех сословных уровнях, благотворно сливаясь одно с другим в будущую национальную религию. Скорей всего, не отмененные формально, жертвоприношения единокровниками к этому году были редким явлением.

Посланники от старейшин объявили Федору о жребии. С старый воин-христианин не только взбунтовался, но, прижав к себе сына и, обнажив меч, один против всех, злобно оскорбил русских языческих богов, а в их лице и всех киевлян. Народ, в исступлении, разметал двор обреченного, убил отца и сына, которые были первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве.

В летописях ничего не говорится о поддержке этого варяга православной общиной, которая, несомненно, была в Киеве, и ее члены занимали высшие государственные должности. А если верить свидетельству иностранного посла, побывавшего в Киеве несколькими годами позже, в городе было около четырехсот церквей. Православие в те времена было в большей степени религией правящего класса, чем простого народа. И православная община промолчала, боясь народного гнева. Именно простой народ и был в первую очередь оскорблен строптивым варягом, он и растерзал его вместе с сыном.

Но времена изменились. За полтора века православие основательно переменяло прежние нравы, и после убийства варяга с сыном неловкость и смущение испытывали все. Видимо уже тогда великий князь, его окружение и весь народ киевский почувствовали, что к прошлому возврата нет, что возрождение древнейших традиций уже не может остановить происходящие перемены в нравах. Так произошло предвестие эпохи святого равноапостольного князя Владимира: время очень непохожее на сказочное благополучие

мифов и сказок о князе Владимире - Красное солнышко.

Обыденная жизнь древнего государства продолжалась: в 984-м году «Пошел Владимир на радимичей»... Радимичи, спокойные данники со времен Олеговых, вдруг объявили независимость. Воевода и предводитель княжеской дружины Волчий Хвост, встретился с ними на Пищане (Могилевская губерния) и наголову разбил мятежников. По Нестору они с того времени смирились. По другим летописям Владимир дважды усмирал их.

В 985-м. «Пошел Владимир на (волжских) болгар в ладьях с дядею своим Добрынею... И заключил мир...» В то время на берегах Волги и Камы жили болгары. Они были народом торговым, имели сообщение по рекам с севером России, через Каспий - с Персией и другими странами. Владимир решил воевать с Камской Болгарией и отправился туда по Волге с новгородцами и с Добрыней. Берегом реки шли конные торки,» - союзники или наемники – единокровники печенегов.

Вместо войны Владимир заключил мир с болгарами. Те поклялись ему в верности. Уже в 986-м году, по сообщению летописца, они пришли в Киев как проповедники мусульманской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смышлен, а закона не знаешь...»,.. Вряд ли это могло соответствовать действительности, поскольку сама война с волжскими болгарами – богатым торговым народом, и заключение с ними мира, а не наложения дани, было актом, демонстрирующим ясную и четкую позицию Руси по отношению к мусульманству.

В этом же году, судя по летописи, духовный кризис Великой Руси достиг высшей точки: со всех сторон света в страну, куда доступ для иностранцев веками и тысячелетиями был закрыт, стали проникать миссионеры от различных религий. Вряд ли в исторической действительности все происходило так, как это описано в летописях и житийной литературе о святом Владимире: будто следом за мусульманами, пришли иудеи, а после них – католики и все склоняли князя к своей вере. Свой исторический выбор Великая и в особенности внутренняя, Малая Русь – Киевское, Переяславское и Черниговское княжества - сделали почти за полтора века до описываемых событий. Православие бытовало на Руси на понятном всем языке, в книгах, переведенных для славян и русинов еще в IX веке святыми подвижниками Кириллом и Мефодием. Народ, никогда не живший под религиозным и духовным гнетом других народов и стран, просто не мог выбрать иной веры кроме русскоязычного православия. Тем более, никаких внешнеполитических выгод от этого выбора у наших предков не было, поскольку Византия тех времен находилась в величайшем кризисе, в политическом упадке. Религиозное объединение с

империей было для ромеев величайшим благом, как если бы у маразматической старухи отыскался сильный заботливый родственник, не претендующий на наследство. С точки зрения экономических, политических и иных выгод, наши предки поступили крайне неразумно, но с точки зрения своего внутреннего развития никакого выбора не было: они искали не новую веру, но новый закон, способный объединить их, как прежде объединяла отмирающая традиция.

В это время католичество, православие, магометанство и иудейство соперничая, привлекали народы к своей вере. Почти одновременно перешли в христианство Венгрия, Швеция, Норвегия, Дания. На восточных и южных берегах Каспия распространилось мусульманство. Мусульманство и иудейство исповедывались в Тавриде, на разрозненных остатках бывшего хазарского ханства. По преданию, воля народная была выражена боярами, сказавшими князю: «Когда бы закон Греческий не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая из всех людей, не вздумала бы принять его». Личное решение великий князь уже принял. Как русин, он мог бы креститься в Киеве, но, как великий князь, не мог обойтись без блеска и величия в этом важном действии, поскольку в своем лице представлял великий народ и великую страну: только цари и сам патриарх были достойны сообщить Руси уставы нового богослужения. Владимир, чтобы не утратить доверия и уважения своего народа, должен был завоевать веру и принять ее рукой победителя, а не смиренно просить крещения. Только в таком случае издавна известное на Руси Православие могло быть принято всем народом.

Далее летописцы рассказывают о походе князя Владимира на Корсунь – древнейшую столицу тавроскифов, потомками которых византийцы считали русинов. В каждом из предыдущих договоров с Византией Корсунь-Херсон упоминался, как город вечного раздора между Русью и Царьградом.

В 988-м году, собрав великое войско, князь Владимир подошел к Херсону Крымскому, ископаемые развалины которого находятся неподалеку от Севастополя. Город этот признавал над собой власть императоров, но не платил им дани, управлялся законами и правителями республиканскими. Жители его занимались торговлей и были богаты.

Князь Владимир высадил войско в Херсонской гавани и со всех сторон окружил город. Граждане его оборонялись храбро в надежде на помощь Империи. Осаждавшие подсыпали к стенам земляные валы, готовясь к штурму. Осажденные по ночам через тайный

уносили ее. Неизвестно сколько времени продлилась бы осада, но в городе нашелся предатель - священник Анастас, сообщивший Владимиру, как оставить соотечественников без воды. Захватив город, Владимир отправил послов в Царьград, к императорам Василию и Константину, с сообщением, что он желает взять в жены сестру Василия Анну, и в случае отказа возьмет с боем Константинополь.

По законам Империи выдать царственную невесту за «тавроскифа» не позволялось. Константин Богрянородный, (крестивший Ольгу) в наставлении данном потомству, торжественно запрещал своему дому вступать с ними в родственные союзы.

Империя в эти времена страдала от мятежей и беспорядков. Военноначальники не желали никому повиноваться и спорили с царями о державе. Чтобы спасти трон с помощью Руси императоры решились нарушить древний закон при условии принятия князем Православной веры. Владимир согласился на это условие, но только после того как получит Анну в залог доверенности и дружбы. Царевне такое супружество казалось жестоким пленом. Но этим браком она спасала Империю и осажденный Крым. В Корсуне Анна была встречена жителями как избавительница.

После крещения и венчания Владимир послал часть своего войска в Византию, помог императорам разбить мятежника Фоку и восстановить порядок в Византии. «Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев».

Великий князь отказался от своих завоеваний в Крыму. Он построил церковь на том месте, куда горожане ссыпали землю из его осадных валов и вернул город византийским царям. Вместо пленников он вывел из Херсона одних иереев и Анастаса, который помог овладеть городом. Вместо дани взял церковные сосуды и мощи св. Климента и Фива, ученика его, два истукана и четырех коней медных в знак любви к художествам. Во времена Несторовы эти трофеи еще стояли на площади старого Киева.

Есть сведения, что новгородцы, после взятия Корсуни, вывезли оттуда медные ворота и большой колокол. То есть, Православие уже имело распространение и популярность в славянском Новгороде. С молодой женой – византийской царевной, православным новокрестом, нареченным Василием, бывший князь-язычник Владимир возвращался на Русь, осуществив давнюю мечту восточных славян и русинов - отвоевать мифическую прародину их предков – Крым. Но он исполнил устремления многих поколений, чтобы тут же вернуть отвоеванные земли их прежнему хозяину. Великий князь Владимир-Василий был победителем, но возвращался без обычных в таких случаях материальных богатств, с

целью утвердить среди подданных народов не новую на Руси веру, но новый закон, потому что прежний уже не поддерживал в стране русский порядок.